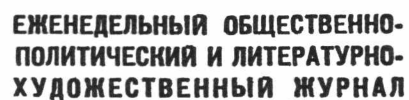

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 10 МАРТ 1974

«Что посеешь, то и пожнешь»,— говорит комбайнер А. М. Волошин (слева).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

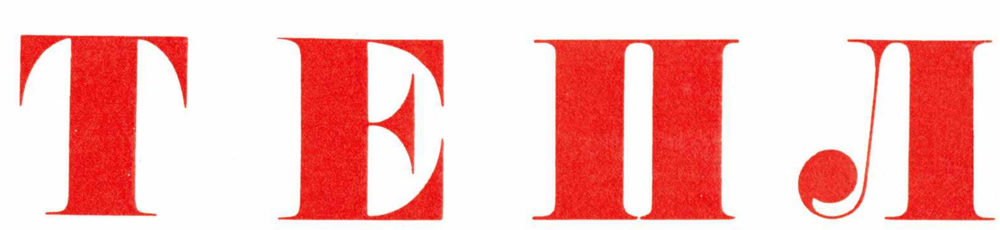
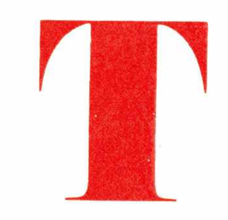
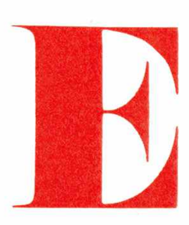
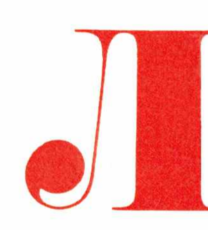
Основан 1 апреля 1923 года

№ 10 (2435)

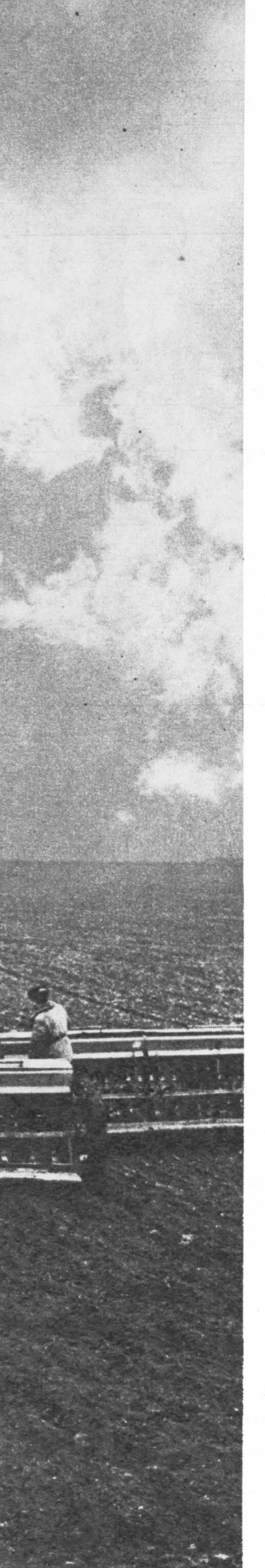
2 МАРТА 1974

Сев начался...

ТЕПЛ

Страна начинает сев. В добрый час, хлеборобы!

Фоторепортаж Бориса КУЗЬМИНА, специального корреспондента «Огонька»

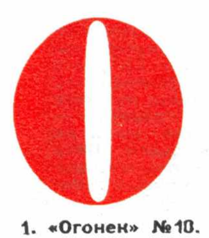
Весна — желанный старт нового года на селе. Еще не поднялись на крыло перелетные птицы, а страна уже прислушивается к позывным туркменских, кубанских и крымских полей: «Земля приняла первые зерна!»

Крымская степь, поле госплемзавода «Широкое». У бригадира Николая Николаевича Ходаковского душевный праздник: новый сев!

Совсем недавно Николаю Николаевичу присвоили высокое звание Героя Социалистического Труда — за успехи в третьем году пятилетки. И вот распахнула весна даль года четвертого, определяющего! Бригадиру первый помощник на севе — Алексей Максимович Волошин. Вообще-то Волошин — опытный комбайнер, но ему важно лично поработать на сеялке, ибо что (и как!) посеешь, то и пожнешь...

Б. НИКОЛАЕВ

Бригадир Н. Н. Ходаковский, Герой Социалистического Труда.

О ЗЕМЛИ

Москва. 21 февраля в Кремле члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину были вручены орден Ленина и вторая золотая медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда.
На снимке: Руководители партии и правительства при вручении наград товарищу А. Н. Косыгину.

Фото А. Пахомова.

8 МАРТА — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

РАБОТНИЦА ИЗ БАЛХАША

Конечно же, Нина Григорьевна Чекушина прежде всего прекрасный старший флотатор. До встречи с ней я плохо представляла себе ее профессию.

— «Флотейшн» — английское слово, означает «всплывание»,— говорила она.— Дело в том, что некоторые минералы, если превратить их в порошок, обладают одной замечательной способностью: боятся воды, не любят ее, зато дружны с воздухом, прилипают к пузырькам воздуха и вместе с ними всплывают наверх этакой роскошной пеной. Остается пену собрать, и получайте из нее, что вам потребуется.

Нина Григорьевна тут же прочла мне целую лекцию о том, от чего зависит цвет пены и какое это имеет значение, что делается для увеличения прочности пузырьков, вернее, упругости пены, и как ловко работают — есть такие устройства — пеносниматели... Рассказывала она увлекательно, весело, с озорством, молодо блестя глазами, и я даже представила, как из золотистого или ярко-зеленого камня получаются червонные провода.

— Закончила я РУ — ремесленное училище, в которое поступила в пятнадцать лет. Шла война. Практику проходила на Балхашском горно-металлургическом комбинате. На нем и осталась работать. Мама еще говорила: «В роду у нас на заводе никто не работал. Крестьяне были, мельники были, фотографы даже... Зять — железнодорожник, выше его никто не поднимался. А тут девчонка — и на тебе, завод!»

Сегодня у Нины Григорьевны Чекушиной огромный фронт работ — двенадцать машин. Двенадцать машин, и она одна, без помощниц,— помогает механизация. Но самое главное, что обеспечивает успех,— глубокое знание своего дела. В прошлом году она извлекла дополнительно сотни тонн меди и намного перевыполнила свои обязательства. Никто в стране не смог опередить ее!

Конечно же, Нина Григорьевна — прекрасный флотатор! Труд, если выразиться образно,— главная песня в ее жизни. Но есть у нее еще одна любимая песня...

Если вы будете когда-нибудь на комбинате, обратите внимание на комнату, что рядом с проходной. На дверях висит расписание, по каким дням три раза в неделю здесь ведется прием. Все женщины комбината очень хорошо знают эту комнату. Сюда можно обратиться по любому вопросу, даже сугубо личному, семейному... Дежурная терпеливо выслушает, запишет просьбу в книгу и обязательно даст совет, окажет помощь. Нина Григорьевна Чекушина — член парткома и возглавляет комиссию по работе среди женщин.

Летом прошлого года в Балхаше проходило совещание секретарей парткомов предприятий цветной металлургии. Чекушина поставила перед министром вопрос о необходимости строительства детского сада и яслей. «У нас очень много молодых матерей. И они вынуждены сидеть дома с малыми ребятами...» А через полгода она встретилась с министром снова, на этот раз в Москве, на пленуме ЦК союза рабочих металлургической промышленности. На трибуну поднялась невысокая, крепко сбитая, очень решительная, очень энергичная женщина с орденом Ленина на груди. Она рассказывала об успехах коллектива обогатительной фабрики, о своих товарищах, о новых обязательствах, а потом, обратившись к министру, сидевшему в президиуме, сказала: «Спасибо вам, Петр Фадеевич, от имени наших работниц за помощь: детский сад и ясли на двести восемьдесят мест строятся, но этого нам уже недостаточно...»

За проявленную трудовую доблесть и достижение выдающихся успехов Родина удостоила Чекушину, «женщину-орлицу», как назвал ее поэт Александр Филатов, Золотой звезды Героя Социалистического Труда.

Г. КУЛИКОВСКАЯ
Фото Д. Ухтомского.

ЕСЛИ БЫ НЕ ЖЕНЩИНЫ...

Фалун. Какие радостные воспоминания связаны у нас с этим городком, находящимся в самой сердцевине Швеции! Там ровно двадцать лет тому назад советские гонщики впервые выступили на чемпионате мира и произвели полнейший переполох в скандинавском стане. Лыжники Швеции, Норвегии, Финляндии, привыкшие делить между собой все призовые места, должны были уступить две золотые медали в гонках на 30 и 50 километров молодому советскому гонщику Владимиру Кузину. И вот снова Фалун, Владимир Кузин среди почетных гостей, его преемник Вячеслав Веденин — чемпион мира 1970 года и чемпион Белой олимпиады 1972 года — среди зрителей из-за травмы, и вместо радости победы — сплошные огорчения. На сей раз ни на одной из четырех дистанций не смогли наши мужчины завоевать первенство. Правда, дважды — на дистанции 15 километров, а затем и в эстафете молодые гонщики — Василий Рочев и Юрий Скобов, выступавшие отлично, были близки к победе, но из-за тренерских просчетов в руках у них оказалась бронза и серебро.

Конечно, мы могли бы утешаться тем, что были не одиноки в своих неудачах, что и финны не завоевали ни одной золотой медали и норвежцы выступили, в общем, бледно, но не пристало нам прятаться в тени чужих поражений. Нет, надо признать, что наши лыжники выступили в Фалуне плохо, надо порадоваться триумфу наших друзей — лыжников ГДР, а в заключение горячо поблагодарить наших советских лыжниц, которые остались верны своей традиции — никому на чемпионатах мира не уступать золотых медалей. Пять раз до нынешнего чемпионата выходили они на старт мировых лыж-

ных форумов и пять раз на всех дистанциях финишировали первыми. И на сей раз в Фалуне наши замечательные гонщицы тоже не проиграли никому. Неутомимая Галина Кулакова была первой в гонках на 5 и 10 километров, а под занавес она вместе со своими молодыми подругами Ниной Балдычевой, Ниной Селюниной и Раисой Сметаниной утешила нас еще одной победой в эстафете.

Такой прекрасный подарок к Международному женскому дню преподнесли советские лыжницы и себе... и лыжникам-мужчинам.

В. ВИКТОРОВ.

Фалун. По телефону.

Галина Кулакова — трехкратная чемпионка мира 1974 года.
Фото ТАСС.

АНГЛИЯ: КРИЗИС И ВЫБОРЫ

Георгий **КУЗНЕЦОВ**

Минувшие три недели Великобританию трясла предвыборная лихорадка. По всей стране — от рыбацких деревушек Корнуолла на крайнем юго-западе до карликовых хуторов Шетлендских островов на самом севере — кандидаты в депутаты парламента метались по своим округам, пожимая тысячи рук, звоня в бесчисленные двери, чтобы представиться, поднимая нескончаемое число кружек пива с избирателями.

На 635 мест в палате общин претендовало 2 132 кандидата, в том числе 632 — от консервативной партии, 626 — от лейбористской, 517 — от либеральной, а также «независимые». 44 кандидата выставляли коммунисты.

Ставка в борьбе была высокой: партия, завоевавшая большинство мест, получала право формировать правительство на следующий пятилетний период.

Я давно слежу за политической жизнью Великобритании и хочу засвидетельствовать, что нынешние выборы резко отличались от предыдущих. Прежде всего тем, что они проходили в условиях чрезвычайного положения, введенного в стране по решению правительства консерваторов около четырех месяцев назад и позволяющего властям по своему усмотрению применять войска против населения, а главное, в обстановке острейшего политического, социального и экономического кризиса, отражением которого явилась всеобщая стачка 270 тысяч шахтеров, начатая в ночь на 10 февраля в поддержку справедливых требований о повышении заработной платы.

Больно ударивший по экономике страны энергетический кризис явился в значительной степени результатом однобокой ориентации правительства тори на жидкое топливо в угоду нефтяным монополиям, в то время как национализированная угольная промышленность постепенно хирела, ибо в нее не вкладывалось необходимых средств — деньги уходили на военные цели, число рабочих непрерывно сокращалось. И, ставя вопрос о повышении заработной платы, профсоюз горняков не только заботился о том, чтобы компенсировать потери, вызванные ростом цен, исправить ту несправедливость, когда труд горняков оплачивается ниже, чем клерков в конторах Сити, но и стимулировать приток новой рабочей силы в шахты, а следовательно, развитие жизненно важной для страны отрасли промышленности.

Однако, как отмечал недавно Генеральный секретарь Компартии Великобритании Джон Голлан, «никогда в истории отношений между трудом и капиталом правительство не демонстрировало столь открытый классовый подход, как это сделал Хит по отношению к горнякам и их требованиям, объявив всеобщие выборы. На переговорах об урегулировании конфликта между шахтерами и правительством Хит блокировал дискуссию, поскольку хочет, чтобы рабочие расплачивались за кризис, покорно принимая политику ограничения зарплаты и рост цен».

Введение трехдневной рабочей недели, а затем и решение о проведении досрочных выборов мотивировались прежде всего желанием тори переложить вину за все трудности, с которыми сталкивается страна, на бастующих горняков, вызвать к ним ненависть у широких масс политически отсталых обывателей и на волне искусно направленного недовольства снова завоевать парламентское большинство.

В канун выборов я встретил в Москве известную английскую общественную деятельницу Рут Киш.

— Полная политическая неразбериха,— сказала она.— Одни опросы общественного мнения давали консерваторам «фору» в 7—8 процентов, другие — в один. И в то же время никто не забывает, насколько ошибочными оказались все прогнозы на выборах 1970 года, предрекавшие победу лейбористов...

Однако мне хочется подчеркнуть, что вне зависимости от исхода голосования Англия стоит перед проблемами, которые не могут решить ни консерваторы, ни лейбористы. И даже сочувствующий консерваторам журнал «Экономист» писал в канун выборов, что «новое правительство столкнется с пятью проявлениями кризиса, и ни одна из партий не сможет, кажется, выработать политику, чтобы с ними справиться». Это кризис политики планирования экономического развития на длительный период; это неспособность капиталистического мира противостоять надвигающемуся экономическому спаду; это безработица в стране, которая «еще больше возрастет»; это инфляция, которая, по мнению редакции, в течение 1974 года достигнет 15 процентов; и, наконец, «способность управлять», под которой орган большого бизнеса подразумевает умение подавлять рабочее движение. Это откровенно классовый призыв к развертыванию широкого наступления против профсоюзов, против рабочего движения страны.

Но нельзя не согласиться с замечанием одного из руководителей Компартии Великобритании, Берта Рамельсона, который за несколько дней до дня голосования сказал: «Тори надеются, что парламентские выборы, объявленные в разгар кризиса, позволят им укрепить свое положение. Но никакая победа на выборах, разумеется, не положит конец конфликту с шахтерами, даже если она поможет правительству принять новые законы и осуществить новые мероприятия, направленные против трудящихся».

Назначив в обстановке кризиса скоропалительные парламентские выборы, консерваторы преследовали чисто эгоистические политические цели в интересах большого бизнеса, которому они служат. Однако их заговор против трудящихся не принес запланированных ими результатов. И от ответственности за трудности, в которых бьется Англия, им уйти не удалось.

20-летие начала освоения целинных и залежных земель

«...Те, кто поднимал целину, живет и трудится на ней, — это люди героического склада. Как тогда, так и теперь они пользуются всенародной поддержкой и заслуженной славой в нашей стране».

Из речи тов. Л. И. Брежнева 15 августа 1973 года в Алма-Ате.

А. БОРОДИН,
первый секретарь Кустанайского обкома КП Казахстана,
Герой Социалистического Труда

КРАЙ, УСТРЕМЛЕН

К востоку от Урала лежит необозримая степь, то ровная, как гладь озер, то изредка всхолмленная. Сейчас это обжитый благодатный край, бурное преобразование которого началось двадцать лет назад. Теперь даже трудно представить, что столь огромные массивы земли приносили так мало пользы людям, экономике страны. Например, в 1913 году крестьяне Кустанайского и Тургайского уездов засевали всего 568 тысяч гектаров. Теперь столько засевают лишь в одном Федоровском районе нашей Кустанайской области. А зерна в то далекое время здесь собирали не более 13 миллионов пудов (теперь в нашей области отдельные районы не только намолачивают, но и продают государству в два раза больше).

Долгие годы до целинных и залежных земель не доходили руки. В 1954 году на февральско-мартовском Пленуме ЦК КПСС партия решила начать гигантское наступление на целину.

Партия, Советское правительство вооружили целинников самой современной в те годы техникой. Достаточно сказать, что за 1954—1955 годы область получила 21 760 тракторов, почти 4 000 автомобилей, 5 970 комбайнов, много прицепных орудий.

15 марта 1954 года Кустанай встречал первый эшелон посланцев Москвы, Киева и других городов. Свыше 30 тысяч человек приехало к нам по зову партии в первые два года. Среди них — свыше пяти тысяч коммунистов и двадцать две тысячи комсомольцев.

Распахивать ковыльную степь помогала вся страна. Во всем, что достигнуто трудящимися дважды орденоносной Кустанайской области, есть весомые частицы труда москвичей, уральцев, минчан и волгоградцев — машиностроителей, металлургов, тракторостроителей, селекционеров, текстильщиков!.. Вслушайтесь в названия целинных совхозов, они говорят об истоках наших успехов: «Россия», «Киевский», «Краснопресненский», «Бауманский», «Минский», «Воронежский», «Ленинградский», «Севастопольский», «Тагильский комсомолец», «Каменск-Уральский», «Волгоградский»... Порыв энтузиастов разбудил вековую степь!

В 1954 году в Орджоникидзевском совхозе, который только что начинал строиться, побывал товарищ Л. И. Брежнев. Первоцелинники помнят этот приезд, помнят встречи Леонида Ильича с работниками хозяйства. Помнят кустанайцы приезд Л. И. Брежнева в 1955 году, его выступления на партийно-хозяйственном активе, на совещании партийных и советских работников.

Освоение целинных земель—дело новое, масштабное и, естественно, не обошлось без срывов. В корне положение изменилось после решений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. Разработанные партией экономические меры способствовали новому росту производства зерна и продуктов животноводства. В 1966 году Л. И. Брежнев снова посетил нашу область. Вместе с ним были товарищи Н. В. Подгорный и Д. А. Ку-

Кустанайская область, Урицкий район, совхоз «Сорочинский». Июнь 1966 года. Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный и Д. А. Кунаев осматривают всходы яровой пшеницы.

Фото В. Давыдова.

НЫЙ В ЗАВТРА...

наев. Советы и указания Леонида Ильича послужили для областной партийной организации боевой программой действий, программой мобилизации людей на выполнение больших и ответственных задач. За это целинники бесконечно благодарны Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу.

Курс, взятый двадцать лет назад, на освоение целинных и залежных земель полностью оправдался. В сельское хозяйство области было вложено 3 миллиарда рублей. Только в нашей области было вовлечено в оборот более пяти миллионов гектаров новых земель. Уже в 1956 году область сдала государству 277,5 миллиона пудов хлеба — в одиннадцать раз больше, чем в 1953 году. И уже в 1957 году гвардейцы поднятой целины были удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда, в их числе механизаторы Иван Рудской, Александр Лукоянов, Григорий Косьма, Ж. Димеев... Потом в их строй стали трактористы Г. Каюмов, И. Могилко, М. Яровой и многие, многие другие.

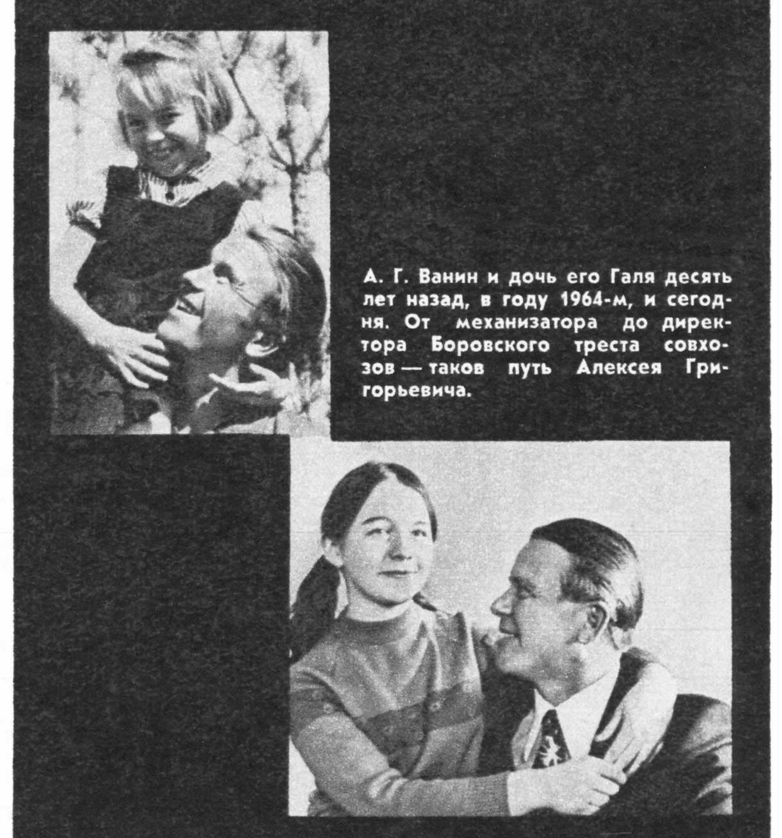
Люди поднимали целину, целина поднимала людей! Двадцать лет назад Алексей Григорьевич Ванин начинал трудовой путь механизатором, потом стал директором совхоза — в 26 лет, а теперь он возглавляет трест совхозов. Алексей Игнатьевич Ярмоленко, в прошлом тоже механизатор, сейчас возглавляет партийную организацию Камышнинского района.

Люди, люди — самоотверженные, героические, стойкие, пытливые — без них не обжить такого обширного края, где климат подчас суров, а неблагоприятных для земледелия лет больше, чем благодатных. Но опыт, знания помогли кустанайцам преодолеть шаблоны, ошибочные рекомендации по ведению целинного земледелия, научили учитывать природно-климатические особенности различных зон, заставили пересмотреть способ обработки почвы, уважать чистые пары и кулисные посевы.

Минуло, ушло в историю время палаточных городков. Нашу область не узнать. Что же она дала стране? За 20 лет производство зерна увеличилось в пять раз, поголовье скота — почти в два с половиной раза, свиней — почти в четыре раза, производство молока возросло почти в четыре раза, мяса — почти в пять раз. За эти годы государству продано около 45 миллионов тонн хлеба! Реализация сельскохозяйственной продукции дала более 4 миллиардов рублей выручки за период освоения новых земель.

Наша область дважды награждена высшей правительственной наградой — орденом Ленина. Сегодня бывшая целина — край, устремленный в завтра. Обязательствами нашей области предусмотрено продать государству в четвертом году пятилетки 190 миллионов пудов зерна. Гвардейцы-целинники уверены в новом успехе, они не забывают клятву, которую дали партии, правительству, всему советскому народу двадцать лет назад в Кремле.

А. Г. Ванин и дочь его Галя десять лет назад, в году 1964-м, и сегодня. От механизатора до директора Боровского треста совхозов — таков путь Алексея Григорьевича.

Снегопахи.

ПОБРАТИМЫ

ЦЕЛИНА, ГОД ДВАДЦАТЫЙ

Николай БЫКОВ, фото А. ГОСТЕВА, специальные корреспонденты «Огонька»

Распахать степь было поистине революционным решением. И распахали. Сейчас поле в местах бывшей целины размером чаще всего в двести, а то и в пятьсот гектаров — дело обычное. Таковы уж карты севооборотов. О таких полях думалось зимой 1954 года. В кустанайской степи есть совхоз «Краснопресненский», так вот там первоцелинники подняли на пьедестал трактор «ДТ-54». Получился памятник, каких не знают в других странах. Памятник трактору как доблестному оружию в той битве за новые пашни, за степной хлеб.

Память неотвязно подсказывает картины двадцатилетней давности: как провожали эшелоны с патриотами, как гнали первые колонны тракторов через море разливанное сходящих снегов, как просыпались в заиндевевших вагончиках, отдирая одеялишки от стылых стен, как обсуждали на комсомольском собрании один вопрос — о печеном хлебе... Ни одно поколение не расстается со своей молодостью, и первоцелинники «Краснопресненского» Аркадий Семенович Салмин, Василий Васильевич Масленников и Александр Павлович Иванов рассказывают не о двадцатой, не о десятой — только о первой своей весне в журавлиной степи. Я их понимаю. Они все еще молоды, эти сорокалетние многодетные мужики, сменившие Москву на степь, станки на тракторы. Пройдет еще двадцать лет, и они по-прежнему будут перебивать друг друга: «А помнишь...»

Я их, седеющих, понимаю.

На целине свой нравственный климат — это страна первопашцев. Печать добровольности лежит на лицах тех, кто не дрогнул, кто не уехал, остался. Не в один и не в два-три года построены поселки. Не всякий год приварок был густ. И не сразу прижились яблони в степи, смирились юные жены со степным бытом. Конечно, многие уезжали, кому климат не подошел. Оставшиеся двадцать раз пахали свои загонки, двадцать раз их засевали, двадцать раз собирали зерно, значит, дело не в суховеях, не в дождях, не в буранах, а в характерах.

Вот встретились недавно три человека в поселке Боровском, на районном слете передовиков сельского хозяйства. Три Героя Социалистического Труда. В их судьбах — судьба того самого поколения патриотов и добровольцев 1954 года, судьба первоцелинников.

Михаил Саввич Яровой из совхоза «Борковский», кроме золотой звезды «Серп и Молот», имеет три боевых ордена Славы всех трех степеней. По сути, человек — дважды Герой! Оказалось, что он совсем юным успел повоевать, прошел с пулеметом «Максимом» до Праги. И на целину поспел и тут отличился. Такой человек.

— Пулемет был больше меня, да ничего не сделаешь — война! Только отслужил — призыв на целину. За войну три «Максима» сменил, осколками корежило. И здесь уже на третьем комбайне молочу.

Михаил Яровой улыбается. Спокойный, как ни в чем не бывало, будто и войны не было и в степи не замерзал...

Рядом с ним — Василий Алексеевич Трояков. Слушает о марте 1954 года, сам помалкивает. Он местный, ниоткуда не приезжал. Здесь родился, вырос, встречал мальчишкой первых целинников, бегал к палаткам послушать гитары, смех понаехавших ребят и девушек. На его глазах распороли дернину ковыльного края, его родного края. На его глазах стали строить поселок нового совхоза «Ломоносовский». И Василий не захотел отставать от приезжих. Дело не в романтике, а в том, что если бы не новое хозяйство, в степи нечем заняться. Коли чужие люди к нам приезжают, объяснял Василий, так мне, местному, чего еще надо? И сел он на трактор, стал механизатором. Молчаливый, исполнительный, навсегда покоренный бурным племенем первоцелинников. Теперь и он сравнялся с лучшими из них — сам Герой Социалистического Труда. А слушает Ярового с нескрываемым, почти прежним, мальчишеским восторгом...

Но самое интересное начало — у третьего из друзей, у Габдрауфа Габдулхаковича Каюмова. Он из Татарии. Когда понеслись эшелоны на восток, Габдрауф не поспешил в райком за путевкой, а задумал съездить на целину самостоятельно, посмотреть, что и как. Денег у парнишки не было. А до Кустаная далеко, около трех тысяч километров. Каюмов поехал... на мотоцикле. Они вдвоем с приятелем поехали. Приближалась третья жатва. Добрались до Боровского, потом — до совхоза «Введенский». Его земли больше других мест глянулись.

— Тобол, недалеко озеро. Хорошее место. Рыба, дичь... Веселое место. Людей совсем мало, а хлеб в тот год богатырский был. Я помогал в уборке, заработал неплохо. И решил про себя: обязательно вернусь. Только на зиму съезжу домой. Уговорю ее... Так и получилось, как думал. Танзиля согласилась... Мы поселились в вагончике... Теперь у нас трое детей, свой дом, паровое отопление, ну и свет, и газ, и все, что надо. Конечно, и Тобол, и озеро, и рыба!.. Хорошее место, веселое!

Владимир Иванович Борисенко — главный агроном совхоза «Краснопресненский».

Три героя, три судьбы, а характер, пожалуй, один. Тот, что называют целинным. Такие люди и создают особый моральный климат бывшей целины. Дремавший веками пласт обернулся глубоким пахотным слоем.

Мы немало говорили об этом процессе с Ваниным, директором Боровского треста совхозов. Про Алексея Григорьевича я писал уже однажды, кажется, в 1964 году. Он тогда был директором совхоза «Краснопресненский». Молодым директором — ему исполнилось только тридцать пять лет, а уж он десятый год возглавлял лучший (ставший лучшим!) целинный совхоз в области. Сейчас под началом Алексея Григорьевича Ванина не один—одиннадцать совхозов. Так что разговаривать с ним обо всем, что касается исторических изменений в казахстанской степи, очень интересно,— он и сам герой этой нелегкой повести! А те же Салмин, Масленников, Иванов и десятки других первоцелинников — его воспитанники. Слушая Алексея Григорьевича, все такого же увлеченного, порывистого, энергичного, как и встарь, я думал не столько о полях, о тракторах, о садах, о пасеках, о березовых рощах, сколько о тех, кого подняла, вывела в люди целина, самое становление новой степной экономики. Был в «Краснопресненском» секретарем парторганизации Борис Петренко. Единомышленник молодого директора. Он, как и Каюмов, когда-то приехал в «Краснопресненский» на несколько дней, к приятелю в гости. Его — на комбайн, ведь людей мало, а степь пшеничную убирать надо. Поработал, поприжился — и остался. Стал учиться на агронома — заочно, конечно. Приняли в партию. Вдвоем с Ваниным переворачивали старый пласт целинной неудоби (это и к людям относится!).

И вот новая встреча с Борисом Петренко — с Борисом Афанасьевичем, директором совхоза имени Джангильдина. В кабинете — три знамени, в том числе и Красное знамя Министерства сельского хозяйства СССР и ЦК профсоюза работников сельского хозяйства (а к знамени — «Москвич»!), два вымпела, телевизор «Рубин» — от ВДНХ, Красное знамя Боровского райкома партии и Боровского райисполкома... Этим торжественным перечислением я хочу сказать, как вырос, возмужал Борис, то бишь Борис Афанасьевич, заглянувший некогда на целину ради любопытства.

А сейчас Петренко — хозяин, умудренный опытом степной жизни, не всегда и не во всем ласковой. При мне он подписал рапорт о выполнении полугодового плана (это в самом начале-то февраля!) по продаже мяса. Победа совхоза, да еще какая! Не зря производство мяса местные газетчики окрестили «второй целиной»... Что же произошло? План был невелик? Как бы не так...

Борис Афанасьевич улыбается:

— Может быть, сначала чай, потом цифры?

За бешбармаком разговор более откровенный...

И он несколько позже рассказал о новшестве. В совхозе имени Джангильдина по настоятельному совету треста совхозов (понимай — по требованию беспокойного Ванина) организовали промышленное содержание и откорм крупного рогатого скота. Я был на Басагашской откормочной площадке. Все здесь устроили очень просто: двор, навесы, плотный забор, бетонные кормушки в просторных вольерах — и скот, бычки и телочки. Почти тысяча двести голов! Ухаживают за ними... семь человек, в том числе и механизаторы. Затраченные на реконструкцию старой фермы тридцать пять тысяч рублей окупились за год! Тут тебе и специализация, и концентрация, и освоенная за год «вторая целина». Каждого бычка совхоз продал почти за тысячу рублей (сдаточный вес превышает четыреста тридцать килограммов!).

— Теперь никаких сомнений,— рассказывает Борис Афанасьевич.— Мы выиграли и на зарплате. Платили больше восьми рублей за центнер привеса, а теперь — только три с полтиной. По старой технологии один скотник ухаживал за группой в сорок голов, теперь у него бычков и телок в четыре, а то и в пять раз больше!..

Вот откуда рапорт о досрочном выполнении полугодового плана по мясу!

— Зерновую пятилетку мы на год раньше выполним, по всему видно,— заметил Б. А. Петренко. Ванин подтвердил: трест в целом даст хлеба намного больше планового задания, так что пятилетка, считай, в закромах! Алексей Григорьевич убедительно показал, что даже область идет с опережением хлебного графика. За три года пятилетки уже продано значительно больше полумиллиарда пудов зерна. В четвертом году пятилетки кустанайцы обязуются продать хлеба в полтора раза больше плана!

...Когда девять лет назад Ванин, быстрой молнии подобный, носился по пшеничному морю «Краснопресненского», я не раз тогда думал, что ему по плечу и район! Теперь вижу, с каким удовлетворением окунается он каждодневно в дела треста, в дела одиннадцати совхозов, нестареющий Алексей Григорьевич. А работать не легче. Есть радиосвязь, есть армия проверенных в деле специалистов, есть около трех тысяч тракторов и комбайнов, многое есть, а работать не легче. Почему? Скажите, Ванин, почему?

Алексей Григорьевич жмет на стартер и не спешит с ответом:

— Жизнь заставляет менять технологию производства. Это уже понимают самые медленные умы. Но организация труда, принципы управления остаются прежними. Поэтому медленно раскручивается новое дело. Ищем, ищем — пора остановиться на тех вариантах организации труда, которые наиболее очевидны. Я имею в виду концентрацию не только в животноводстве, в строго специализированных хозяйствах, но и в управлении, хотя бы в масштабах района. Наш трест — качественно иное построение, чем райсельхозуправление в Средней России или на Украине. Но и в нашем варианте решение половинчатое — трест пока не имеет своей ремонтной базы, а «Сельхозтехника» нередко блюдет узковедомственные интересы, отличные от земных, хлебных интересов совхозов. Трест не имеет своего бюджета, своей автобазы, поэтому маневр средствами и техникой ограничен... Сказав «а», надо бы сказать и «б»!

Я понял так, что директор треста чувствует себя диспетчером, а он в силах быть хозяином хлебной степи. Конечно, не сомневаюсь, что не в характере Алексея Григорьевича мириться с «диспетчерскими» обязанностями, но и выше себя не прыгнешь: по рукам и ногам вяжут производственников райплан, райбанк, райсельхозтехника, райавтобаза и прочие конторы, для которых зерно, и мясо, и молоко не определяют уровня их личного благополучия или меры их личной ответственности за успехи и неуспехи в сельском хозяйстве района (то есть практически того же треста). Короче, интересно, что думает о новом этапе в жизни целины Ванин? И снова идет разговор о большей самостоятельности треста в решении проблем экономики района.

15 марта 1954 года, Кустанай...

15 марта 1974 года, Кустанай... Как-то вы отметите свое двадцатилетие, друзья? Выйдут с утра снегопахи в степь. В семенной лаборатории еще раз проверят зеленые всходы пшеницы. А вечером — музыка, танцы. И в великолепно отстроенном совхозе «Тенизовский», и в вечно молодом «Краснопресненском», и в «Ломоносовском»... Во всех одиннадцати совхозах Боровского района, ставшего волею первоцелинников «кустанайской Кубанью».

Мартовская годовщина — это лишь память о первом эшелоне. Важное событие, но не главное — впереди новый сев. И новая жатва в степи журавлиной. Нового снега, друзья, новых метелей и нового вам урожая!

МАРТ, МЕСЯЦ ВЕСЕННИЙ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

«В России природа поет»,— любил говорить замечательный русский живописец Алексей Кондратьевич Саврасов. Столетие с небольшим прошло с тех пор, как в 1871 году в старинном костромском селе Молвитино в благословенный мартовский день, озаренный вешними лучами солнца, под крики грачей родился русский пейзаж «Грачи прилетели».

«С Саврасова появилась лирика в живописи пейзажа и безграничная любовь к своей родной земле... Да, Саврасов создал русский пейзаж»,— писал его ученик Левитан.

Столетие... Срок немалый для истории живописи. Прошедший век кардинально изменил представление о колорите, о пейзаже. Полотна импрессионистов разбудили людей, и зрители, будто сняв темные очки, вдруг разглядели голубой, сверкающий всеми цветами спектра мир пленэра — открытого воздуха. В выставочные залы ворвалась радуга новой красоты, принеся с собою свежесть прошедшей грозы и яркость раскованной палитры.

Великолепны полотна русских мастеров Левитана, Коровина, Аполлинария Васнецова, Нестерова, Рериха, внесших свой неоценимый вклад в развитие мирового искусства пейзажа. Прекрасны холсты наших современников Грабаря, Юона, Крымова, Сергея Герасимова, Кончаловского, Дейнеки, Пименова, Нисского, Чуйкова, Ромадина, воспевших в своих картинах и этюдах родную природу.

Русский пейзаж. Он словно соткан из мелодий и песен. Они пронизывают древние просторы нашей Родины, ее бескрайние дали. Вглядитесь в высокое небо с неспешно плывущими облаками над ласковой прелестью цветущих лугов, прислушайтесь к мерному дыханию полей и нив, к шелесту леса, и вы почувствуете былинные ритмы «Богатырской симфонии». Где еще на земле найдешь столь музыкальную, волшебную перемену времен года, когда на смену звонкой просини талого мартовского снега приходит яростное движение рек, ломающих изумрудные ледяные глыбы, и мы слышим в грохоте ледохода победные фанфары весны! Прошумят майские грозы, прольются благодатные ливни, и нашего слуха коснется пение вольного ветра, напоенного дурманящими запахами цветения и влажной земли. Лето. Пора колдовской прелести утренних и вечерних зорь, то нежных и задумчивых, то торжественных и грандиозных, когда красочные панно небосвода, озаренного лучами солнца, звучат, как гимн победной жизни. Неподражаема краса осени, когда на смену бирюзовым, лазоревым, розовым краскам июля и августа приходит багряная роскошь сентября с его поющими червонными, пунцовыми, шафранно-желтыми тонами, с румяной спелостью плодов — золотом торжествующего изобилия. И в тот миг, когда думается, что все краски палитры исчерпаны и все звуки нашего пейзажа достигают своего «крещендо», на смену всей этой буйной щедрости последнего осеннего ликования приходит в белоснежном уборе, повитая жемчужным инеем, в самоцветном сверкании сугробов матушка зима. Поет, поет небесная лазурь января, лиловая синь долгих февральских вечеров, горят, горят тлеющие розовые угли снежных зорь. Но не успеет наш глаз вдоволь налюбоваться на сказочную красу нашей зимы, как звон первой капели и крик грачей возвещают вновь приход марта, месяца весеннего. Грядет весна!

Необозрима панорама, неохватен весь этот калейдоскоп красок, звуков, ароматов, сливающихся в одно великое целое, имя которому — русская природа! И как благородна и благодатна роль художника-живописца, который посвятил свою жизнь, свой талант раскрытию прелести русского пейзажа.

Мы встретились с Николаем Михайловичем Ромадиным в Манеже на юбилейной выставке Академии художеств. Я увидел его около полотен Игоря Грабаря.

— Замечательно писал пейзажи Грабарь,— сказал Ромадин.— Он был великий труженик, целиком преданный искусству. Вот что он говорил:

— Свою благословенную профессию мы должны любить страстно и нежно до самозабвения... Надо писать ежедневно, без перерыва, помня, что нет женщины ревнивей, чем муза живописи...

Мало кто так чувствовал очарование русской природы, ее особенную, ни с чем не сравнимую красоту. Трудно забыть такие его слова:

— Что может быть прекраснее березы, единственного в природе дерева, ствол которого ослепительно бел, тогда как все остальные деревья на свете имеют темные стволы. Фантастическое, сверхъестественное дерево. Дерево-сказка!

Мы подошли к экспозиции работ Ромадина. На меня с холстов глядела сама Россия. В малиновых отсветах зари, в золотистых сполохах осеннего леса, зареве ночных костров, тихом мерцании бледной свечи, в сумраке белых ночей, в шорохе дремучего бора, весеннем разливе рек.

У полотен было тесно. Десятки зрителей обступили картины живописца, подолгу любуясь замечательными русскими пейзажами.

— Вот для этого стоит жить,— тихо сказал, почти прошептал Ромадин.

Мы долго бродили по бесконечной анфиладе выставочных залов. Огромный мир жизни нашей страны, отраженной ярко, полновесно языком реалистического искусства, поражал многообразием, силой колорита, мастерством рисунка, композиции.

Ромадин особенно тщательно всматривался в замечательные пейзажи Юона, Сергея Герасимова, Куприна, Крымова.

— Крымов — настоящий станковист! — сказал Ромадин.— Он был поистине классик, работавший и боровшийся за реалистическую живопись в нашем бурном, сотрясаемом модернизмом двадцатом веке. Он ненавидел фальшь в искусстве. Был непримирим и резок:

«Часто бывает, что художник, написав неверно, наврав с три короба и стремясь себя оправдать, говорит мне: «Я так вижу». Тогда я говорю ему: предположим, человек хочет быть певцом, но вместо «до» берет «ля». Ему говорят: «Вы врете»,— а он отвечает: «Я так слышу». Тогда ему говорят: «Значит, плохо слышите». Эти слова Крымова,— продолжает Ромадин,— очень своевременны и сегодня, когда некоторые живописцы оправдывают заведомое огрубление формы и цвета мудреными фразами о монументальной современности языка и прочем. А где-то за всем этим стоит всего лишь малое профессиональное умение, а главное — отсутствие истинного чувства и любви к искусству, к прекрасному. Крымов пестовал и привечал немало талантливых молодых живописцев. Многие из них прекрасно пишут. Вот ты видел работы Андрея Полюшенко? Поезжай в его мастерскую, погляди. Это русский самобытный недюжинный талант... Может быть, он не очень «модерный», но ведь знаешь, что и меня некоторые товарищи считают представителем «старой школы» и старомодным. Что делать? Ведь станковая живопись — дело серьезное.

...Мытищи. Трудовая улица. Мастерская Андрея Полюшенко. Большое помещение, заставленное десятками холстов, подрамников, папками с рисунками.

Мастер ставит на мольберт один за одним пейзажи.

«Март»... Тонкие, голые ветки белых берез тянутся к голубому небу. Веселые лучи солнца пробили сиреневую дымку и окунулись в синий пруд, пробежали по красной крыше, выкрасили звонким кобальтом тени на талом снегу, зажгли самоцветные искры на серебряном насте. Прерывисто дышит обнаженная земля. Дрожат в теплых струях воздуха молодые побеги берез. Тайное волнение окутало пробуждающиеся просторы полей. Бегут, бегут по разъезженным колеям трепетные тени. Кричат грачи. Поет дробная капель. Весна. Март. Зябко и радостно. Тугая весенняя пустота, бирюзовая, звонкая, чарует душу, зовет в лазоревые дали. Тихо. Аж звон стоит в ушах. Тает снег. Журчат вешние ручьи. Воздух дурманит. Голубая весна набирает силу...

Холст художника Полюшенко полон музыки всепобеждающей юности природы — в стежках освобожденной воды, бегущей по просторному полю, блещущих бликах солнца, розовой дымке, окутавшей вершины деревьев. Последнее борение зимы передано живописцем в столкновении теплых и холодных тонов, пронизывающих полотно. В картине мы словно слышим мелодию тютчевских стихов, до нашего слуха долетают звуки музыки Рахманинова. Весна. Март. Сюжет традиционный, классический, писанный не одним десятком мастеров. Полюшенко находит свой ключ к решению этой темы.

Кисть художника взволнованна, лирична. Это, однако, не делает решение, манеру камерными. Небольшой по размеру холст построен на широком дыхании. Колорит «Марта» мажорен и сложен. Мастер хорошо изучил тонкие законы валера, свойственные станковой живописи.

Я прошу Андрея Петровича рассказать о своих учителях, о том, как он начал писать.

— Основным и первым моим учителем была сама жизнь,— говорит Полюшенко.— Родился я в деревне Коренной, Богучарской волости, Воронежской губернии. Глубинка России. Частые неурожаи. Суховеи. Черные бури. Выжженная, выгоревшая земля... Голод погнал нашу семью. Мы покинули этот край и переселились на Кубань.

Степь. Пахнет донником, полынью. Прошли косые ливни. Во все небо полыхает радуга. Ветер гонит золотые волны спелой пшеницы. Подсолнухи тянутся к солнцу. Ликует земля. Все кругом удивительно, поражающе ярко. На всю жизнь осталось у меня ощущение бескрайнего, прекрасного мира.

Тихорецкая. Алые зори блестят на накатанных рельсах. Красные теплушки. Кумачовые лозунги. Кричат паровозы... Слышен гул орудий. Гражданская война. Жара. Пыльная марь. 1919 год. Горячий степной ветер доносит грохот духового оркестра, конский храп, лязг железа, и надо всем этим синий сатин неба, выгоревшее солнце. Красноармейские эшелоны. Загорелые, белозубые, тощие, перетянутые, как осы, бойцы. Мы целые дни с ребятами толкались у путей. Слушали огневые речи на

А. Полюшенко. МАРТ.

А. Полюшенко.

ВЕСЕННЯЯ ПАХОТА.

СИРЕНЬ.

летучих митингах. Порою нам дадут поносить красноармейский шлем. Покажут, как ладить с винтовкой. Детство. Золотое время. Ничто не страшило меня. Ни голод. Ни пальба. Мир был чудесен. Я лепил из глины бойцов. Рисовал на обрывках бумаги все, что поражало мое мальчишечье воображение.

Потом мы переехали в Нижний Новгород. 1923 год. Я учусь в школе имени Льва Толстого. Эта старая гимназия находилась на Полевой улице, близ острога, где в одной из башен был когда-то заключен Максим Горький. Я много бродил, глазел на пеструю жизнь этого волжского города. Рисовал.

Скоро учитель рисования Николай Васильевич (фамилии, грешник, не помню) заметил мои способности и посоветовал учиться живописи. Долго и тщательно я укладывал в синюю папку свои рисунки и этюды с натуры и наконец собрался с духом, пришел в изотехникум.

У входа над дверью были прибиты черные штаны в ярких оранжевых и желтых заплатах. Стены были исписаны и измазаны бог знает какими каракулями. Словом, царили анархия и хаос. Я был поражен, но потом, пересилив робость, постучался в класс. Дверь открылась, и я увидел нечто невообразимое. Рыжий студент быстро вращал над головой лист бумаги с налитой на него краской. Краска растекалась причудливыми узорами. Другой парень положил на пол холст и плескал на него колера из разных банок. Пока я глазел, раскрыв рот, на эти чудеса, ко мне подошел кудлатый детина в холщовой блузе, до такой степени измазанной маслом, лаком и краской, что блуза стояла на нем коробом.

«Учиться хочешь, малек?— спросил он.— Что принес? Покажи».

Я робко стал развязывать тесемки папки. Осмотр рисунков был молниеносен.

«Это старо! — пробасил важно детина.— Возьми свои опусы. Подари их своей бабушке! С такими почеркушками к нам не суйся!»

И я ушел...

Долго бродил, потерянный, по городу, пока не вышел на берег Волги. Могучая река мерно катила свои волны. По огромному небу величаво плыли облака. Речной, вольный ветер пел мне свою песню. Природа. Все в ней было соразмерно, гармонично. Где были эти кляксы и изломы, которыми меня до смерти перепугали в изотехникуме? Жизнь, неуемная, яркая, окружала меня, звала к работе.

«Нет...— подумал я,— пусть, отнесу свои работы домой, «бабушке», но подражать этим изломам не буду».

Вскоре одно событие окончательно решило мою судьбу. Я узнал, что в актовом зале бывшей городской управы находится картина художника-передвижника Константина Маковского, посвященная призыву Кузьмы Минина к нижегородцам.

Огромный пустой зал. На грязном паркетном полу навалом лежит мусор. В разных углах — печки-буржуйки. Закопченные, голенастые трубы выходят в большие окна.

Напротив входа, на торцевой стене, я заметил на стремянке маляра, который большой маховой кистью смывал грязь и копоть с полотна. Мыльные струи стекали вниз... И перед моими глазами совершалось чудо. Из-под слоя черной копоти открывалась картина. Удивительная, яркая страница истории России.

Я стоял завороженный. Все, что до этого бродило во мне, все неясные мои стремления, желания — все вылилось в единый порыв. Я решил, что буду художником, чего бы это мне ни стоило. Буду учиться, чтобы суметь высказать все то, чем была полна моя душа.

Потрясенный, я долго-долго еще смотрел на картину. Спустились сизые сумерки. Давно ушел маляр, унося ведро и кисть. А я все глядел и глядел, пока сторож-инвалид, громыхая деревянной ногой, не выпроводил меня на улицу.

Так состоялось мое крещение.

И снова я бродил по берегу реки. В огромном зеркале Волги блестел одиноко серебряный серп молодого месяца, окруженный лиловыми облаками.

Домой пришел поздно. В сумраке мне показалось, что это наш милый дом в Тихорецкой. Так же дискантом пробили старые часы. Так же, как бывало, сквозь занавески струилась мягкая синь ночи. Как сегодня все это далеко! Пролетела юность, пора учебы, работы. Никогда не забуду огни строек над Волгой, кумач лозунгов первой пятилетки... Шли годы... Вспоминаю, с каким трепетом отправлял свои первые полотна на выставку в Москву.

1940 год. Москва. Кузнецкий мост. Выставочный зал. Происходит отбор холстов на выставку «Художники периферии РСФСР». Мои работы в числе прочих расставлены вдоль стены. К ним подошла группа мастеров, и среди них пожилой суховатый мужчина в наглухо застегнутом черном пиджаке, со строгим, аскетичным лицом.

Все прислушивались к его словам. Он, указав тростью на три моих пейзажа, сказал:

— Покажите жюри вот эти холсты. А остальные уберите, они вам ничего не прибавят.

Это был Михаил Васильевич Нестеров.

Трудно рассказать, что творилось со мной в те дни... Ведь какие корифеи смотрели мои работы! На обсуждении выставки, на которой мой пейзаж «Снег выпал» получил первую премию, выступали Юон, Бакшеев, Грабарь, Крымов, и я услышал впервые добрые слова о своих пейзажах из уст моих любимых живописцев. Это была великая награда. Никогда из памяти не уйдут слова Крымова:

— Подлинная оригинальность появляется лишь тогда, когда художник о ней не думает, а правдиво передает свой восторг от виденного в природе. И этот восторг тогда воспринимает сердцем зритель!

Вот и сейчас, когда я пишу с натуры и встают передо мною очередные трудности, мне порою кажется, что рядом со мною стоит мой учитель Николай Петрович Крымов, научивший меня, как, впрочем, и многих моих сверстников, видеть и любить русский пейзаж.

Незабываемы крымовские советы.

Не торопясь, одну за другой, он разбирал мои работы. Говорил резко, нелицеприятно. Язык его был своеобразен:

— Хороша ли картина? У нас бытуют разные и ничего не говорящие, пустяковые определения достоинств и недостатков произведения. Говорят: «вкусно», «интересно», «мягко» «свежо», «любопытно», «жестко», «сухо» и так далее. Все это чепуха! Должно быть «правда» и «верно». Если правдиво, то верно. Если верно, то правдиво.

Есть горе-мудрецы, которые толком «веретена» в руках держать не умеют — так он называл кисть живописца,— а требуют: подавай им «синтез». Что это за синтез, мы насмотрелись еще в двадцатых годах у Малевича и у других модернистов. Все это лезет к нам с Запада. И с этим надо биться!

Крымов был остроумен, порою желчен до сарказма. Часто он повторял:

— Если у вас еще мало мастерства, то берите небольшие холсты, если у вас сахарного песка в запасе всего одна ложка, то положите ее в полстакана воды. «Будет сладко!» А не сыпьте ее в целую бочку воды!..

Как это надо помнить сегодня!

Однажды я пришел из Третьяковки к Крымову. Он спросил:

— Левитановский «Мостик» видел?

— Видел,— говорю.

— Ну и что?

— А слыхал, как под мостком лягушки квакают? Каково?

И ведь, действительно, в любом пейзаже Левитана слышно пение птиц, шелест листвы, дыхание самой земли.

Левитан. Надо было слышать, что говорил Крымов об этом чудесном живописце. Николай Петрович очень любил импрессионистов, особенно Сислея, однако считал, что левитановский «Март» выше.

...Василий Николаевич Бакшеев не раз рассказывал мне о встречах с Левитаном. Один рассказ особенно запомнился.

— Как-то раз,— вспоминал Бакшеев,— мне довелось писать в Плесе вечерний этюд. Темнело. Я уже собрался уходить, когда увидел идущего по тропинке Левитана. Он показался мне усталым и удрученным. Я спросил, что его огорчило.

— Ах, не задался этюд! Писал хороший мотив, а он у меня отбился, не вышел, как мне хотелось.

Тогда я попросил Левитана показать этюд. Он раскрыл этюдник, и я увидел маленький холстик. Это было великолепно! И я выразил немедля свой восторг.

— Эх, батенька,— промолвил Левитан,— кабы ты видел, какое диво творилось в тот миг в природе, ты бы сейчас промолчал...

Я не мог не поразиться великой левитановской взыскательности к себе.

Для меня все эти встречи с нашими корифеями и были той самой школой, которая потом помогала мне всю жизнь. Кажется, что Крымов, Юон, Грабарь будут у меня в памяти всегда живыми в своих суждениях, ибо у них у всех единственными учителями были правда и природа.

Полюшенко поставил на мольберт новую работу.

«Весенняя пахота»... Плечо большого белого облака на миг заслонило солнышко, и на вздыбленную землю, на тракторы, работающие в поле, на крылья птиц упала и поползла густая тень. Яркой дорожкой лег на черный бархат пахоты сверкающий блик света. Ветер гнал облака, и солнце бежало им навстречу. Над поднятой целиной струился теплый воздух. Пахло землей. Мерный густой гуд стоял над пашней. Неслышно крались тени по бугристой сырой земле.

— Помню,— заговорил Полюшенко,— как двадцать лет тому назад, в 1954 году, я приехал на целину. Это был первый год освоения этих просторов.

Машина повезла меня в район. Вечерело. В небе высились громады рериховских облаков, освещенных закатным солнцем. Краски вечерней зари — розовые, багряные, лимонно-желтые — постепенно тускнели и переходили в глубоко оранжевые, лиловые, фиолетовые. В темнеющем синем небе загорались крупные звезды, и, вторя им, запылали живые огоньки тракторов и комбайнов на необъятных полях целины. Как древние сторожа, маячили одинокие не то курганы, не то сопки. Порою над нами неслышно пролетали большие птицы. Романтика. Новь. Пафос труда. Все это удивительно сочеталось с богатырским размахом целинных степей. Много было необычного, диковинного. Низкий горизонт скрадывал пространство. Однажды я задумал написать холст «Первый урожай целины». Нашел место. И наивно обратился к ребятам-комбайнерам:

— Вы сегодня, может, погодите убирать хлеб на этом маленьком участке, я завтра рано с утра напишу здесь этюд.

Добродушные, загорелые, как черти, парни стали дружно хохотать. Я в душе немного обиделся и спросил их, в чем дело.

— А сколько, ты думаешь, на этом маленьком участке гектаров?— спросил меня бригадир.

— Говорю, десять — двенадцать.

— Нет, брат, здесь все сто двадцать!

Такова целина...

Полюшенко долго разбирает холсты и наконец достает этюд.

«Целина»... Сверкнула разбуженная ветром радуга цветущих трав. Побежала по степи пологой волною шелковистая проседь ковыля. И над всем этим дивным движением земной плоти, над древними дикими просторами — вечное небо. Бездонное. Безмятежное. По лазоревой глади небосвода неторопливо выплывают белопарусные струги облаков. Птичий гомон славит красу степей.

Стемнело. Полюшенко зажег свет. И начал убирать полотна.

Перед моими глазами за несколько часов прошла удивительная панорама нашей природы, красочная летопись богатства нашей земли, песенной и прекрасной.

За окном синел снежный февральский вечер. Тяжелый иней украсил ветки деревьев. Побелил крыши домов. Это были последние дни зимы. Впереди был март, месяц весенний.

ВСПОМИНАЯ БЫЛОЕ...

СООБЩА, ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ...

Ф. МОРГУН,
первый секретарь Полтавского обкома КП Украины,
бывший директор целинного совхоза «Толбухинский»

Двадцать лет тому назад вместе с небольшой группой товарищей я ехал на целину. По фронтовой привычке все необходимое вместил в один чемодан. Лежал в том чемодане и подарок отца — колышек, вытесанный из ствола старой яблони, что росла у криницы на нашей усадьбе. Вручив его, отец дал наказ: «Там, на целине, начинай с него отсчет жизни». А еще велел он трудиться так, «чтобы не стыдно было перед людьми».

Из Москвы, где состоялось мое назначение на пост директора не существующего пока совхоза, я прибыл вместе с земляками-полтавчанами в Кокчетав. Отсюда до места, отведенного под будущее хозяйство,— 240 километров. Хотя, наверное, был еще и добрый «гак», ибо по снежной целине шел наш санно-тракторный поезд более двух суток.

Ночью под завывание вьюги я написал приказ № 1 о вступлении на пост директора совхоза «Толбухинский», который должен был освоить тут тысячи гектаров целины. А было нас тогда около десяти человек, и сидели мы вокруг малиновой от жара железной бочки, которую тут же превратили в походную печку для обогрева своего первого жилья в старой конюшне.

Что запомнилось еще из тех первых дней? Пожалуй, больше всего поистине героическая работа транспортного отряда. Возглавил его полтавчанин коммунист Степан Степанович Швыденко. Он сам был несколько раз ранен на войне. И большинство трактористов и шоферов тоже подобралось из числа солдат-фронтовиков. Вот почему, наверное, не было случая, чтобы кто-нибудь из них раскис и попросил передышки.

Нельзя не вспомнить большую организаторскую работу руководителей районных организаций, в частности председателя нашего Кзылтуского райисполкома Камали Мурзахметова. Строгим, но справедливым воспитателем совхозных кадров был первый секретарь Кокчетавского обкома партии, бывший прославленный белорусский партизан Алексей Ефимович Клещев.

Секретарем ЦК Компартии Казахстана в те годы был товарищ Леонид Ильич Брежнев. Мы, целинники, часто узнавали в небе его одномоторный самолет. Только на таком транспорте можно было успеть побывать во многих районах, совхозах, ежедневно держать руку на пульсе событий, происходящих на целинных землях. Это позволяло оперативно принимать самые решительные, жизненно необходимые меры для подъема целинного хозяйства.

Мне хорошо запомнился прилет Леонида Ильича Брежнева в наш «Толбухинский» совхоз в августе 1957 года — в то время он уже был секретарем ЦК КПСС и по-прежнему пристально следил за ходом освоения целинных земель. Быстро облетела совхозные участки весть: самолет Л. И. Брежнева появился в соседних районах, а скоро должен быть и у нас, в Кзылту. Встречать дорогого гостя все поехали в райцентр, а меня дела задержали в совхозе.

...В девять утра слышу рев авиамотора. Выбегаю на крыльцо и вижу, как знакомый всем нам самолет уже садится возле наших построек и подруливает чуть ли не к порогу конторы.

Леонид Ильич вышел из самолета и тут же предложил:

— Первым делом посмотрим хлеба.

Он побывал в нескольких бригадах, беседовал с рабочими, люди рассказывали о своих заботах, показывали лучшее и не скрывали худшее. А на следующий день, выступая на совещании целинников в Акмолинске, товарищ Л. И. Брежнев приводил, в частности, пример из жизни совхоза «Толбухинский», советовал заимствовать наш опыт выращивания крупяных культур.

Да, к тому времени уже ощутимо окреп наш «Толбухинский». От яблоневого колышка, вбитого нами двадцать лет назад, протянулась в новом совхозном поселке улица Полтавская с добротными домами. Выросли гаражи, мастерские, фермы. Мы уже засевали ежегодно по 43 тысячи гектаров пашни. В 1958 году впервые продали государству свыше 3 миллионов пудов хлеба. Доход от реализации зерна, которое мы сдали за первые четыре года, почти в два раза превысил все затраты на организацию хозяйства.

Вот уже несколько лет, как мне поручен другой участок работы. Однако целина, ее бескрайние степи, ее простор и молодость остались в сердце первой любовью. Я внимательно слежу за делами целинников и радуюсь их успехам.

Время, самый объективный судья, показывает, что освоение целинных земель было мудрым шагом нашей партии, большой победой ленинской дружбы советских народов, которые сообща в столь короткие сроки обжили огромный край, подарив Родине еще одну житницу.

Внимание и сосредоточенность.

ГЕРОИ ПЯТИЛЕТКИ

А

А. БОЧИНИН,
Б. СОПЕЛЬНЯК

Анастасия Филипповна пекла пирожки. Два огромных блюда уже были полны, а она взглянула на часы и, к нашему удивлению, поставила на огонь еще одну сковородку. В кухне стало жарче, и пирожки прямо-таки сыпались на блюдо...

Вдруг — звонок! Анастасия Филипповна метнулась к двери. В прихожую вкатились три снеговика. Веник, словно волшебная палочка, тут же превратил снеговиков в синеглазых ребятишек. Старший из них — пятилетний Вадик — виновато пошмыгал носом и заявил:

— Бабуль! Честное дошкольное, санки кривобокие! Сами переворачиваются...

— Полно тебе, так уж и кривобокие,— добродушно усмехнулась бабушка.— Раздень-ка меньшеньких.

И Анастасия Филипповна заторопилась на кухню, откуда явно запахло горелым. Вадим деловито принялся за работу и вытащил из вороха одежды Димку и Наташу.

А тут из школы прибежал младший сын Анастасии Филипповны, десятиклассник Саша.

— Подмети-ка пол,— сказала мать,— а то я с пирогами да малышами совсем запарилась...

Саша загнал своих племянников на диван, вооружился сразу дву-

Друзья поздравляют Анастасию Филипповну с присвоением звания Героя Социалистического Труда.

НИТЬ КОГАЧЕВОЙ

Сегодня выходной.

За самоваром собирается вся семья.

мя вениками и только ему известным способом в пять минут навел почти идеальную чистоту в комнатах.

Вскоре пришла с работы мать Димы — Наташа. Перецеловала малышей, вытерла им носы, причесала вихры и надела на каждого совсем новенькую, только что сшитую рубашку: Наташа — закройщица в детском ателье «Юность».

Вслед за ней примчались неразлучные близнецы Люба и Таня — мамы Вадима и маленькой Наташи. Люба с шестимесячной Юлей на руках. Когда с работы вернулся Александр Павлович, муж Анастасии Филипповны, почти вся семья была в сборе и стол накрыт. Тут подоспели зятья Анастасии Филипповны и ее родители.

— А вы удивлялись, зачем столько пирожков! — улыбнулась хозяйка.— Попробуйте накормить такую ораву!

Пятнадцать человек весело усаживались за стол. Шутки, гам, смех... Внуки норовят пристроиться на руках у бабки и деда. Да, не каждому дано такое счастье: в сорок пять лет у Анастасии Филипповны четверо детей и столько же внуков!

А потом мы вместе с Анастасией Филипповной Когачевой пошли на комбинат — в тот день она работала во вторую смену. Уже в цехе она сказала нам:

— У меня вот какая просьба: ходите, смотрите, фотографируйте, но от работы не отвлекайте. Если я хотя бы на минуту оставлю машины без присмотра,— потеряю два килограмма шелка. А обязательства у меня такие, что я не имею права и грамма терять.

На первый взгляд в работе перемотчицы ничего сложного нет. Ходи себе вдоль машин, следи, чтобы не обрывалась нить, которая невидимой паутинкой бежит с одной катушки на другую. А коли оборвалась — завяжи узел, выведи его на торец шпули, сними так называемые штрихи; когда веретено вращается вхолостую, образуются едва заметные полоски грязи, и если их не снять, то при контрольной размотке ОТК забракует всю партию шпуль. Вот, собственно, и все. За смену приходится завязывать три тысячи узлов. У всех перемотчиц на каждый узел уходит 2,5 секунды, а у Когачевой — 0,5 секунды.

И так во всем: ликвидация обрыва нити, съем шпули, заправка копса — катушки, с которой сматывается нить. На каждой операции Анастасия Филипповна экономит секунды, которые складываются в десятки минут.

Или такой момент: шпулю надо снять, когда на ней 350 граммов шелка. Большинство работниц, боясь, как бы нить не захлестнуло, снимают 300—320-граммовые шпули. Недобор же приходится компенсировать более частой заправкой новых шпуль. А на это уходит время. Шпули Когачевой весят 350 граммов, и ни грамма меньше! Если же учесть, что она вместо одной обслуживает три машины, станет понятной ее просьба не отвлекать от работы: на счету каждая секунда!

Но самое поразительное, что в работе Когачевой нет ни суеты, ни торопливости, ни «запарки». Спокойно и размеренно, по точно выверенному маршруту ходит она вдоль машин, неуловимыми движениями связывает узлы, заправляет нить... Все буднично, просто. Сколько труда, сколько бессонных ночей за этой спортивной легкостью!

Именно об этом — о высоком профессиональном мастерстве, творческом отношении к труду, умелом использовании резервов производства — писал в своем приветствии перемотчице шелка Энгельсского комбината химического волокна А. Ф. Когачевой Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

А ведь тринадцать лет назад Анастасия Филипповна пришла на комбинат, абсолютно ничего не умея здесь делать: до этого она работала сновальщицей на ткацкой фабрике. Ее даже не хотели принимать на работу: в перемоточный цех брали женщин не старше двадцати пяти лет, а ей было тридцать два. Кое-как уговорила, взяли ученицей. Первое время и ноги подламывались от усталости, и голова гудела, и брак шел такой, что начальник цеха советовал подыскивать другую работу... В сентябре она сюда поступила, а лишь в ноябре впервые выполнила норму — шестнадцатью веретенами перемотала пять килограммов шелка. А через тринадцать лет стала Когачева Героем Социалистического Труда и добилась, казалось, невозможного: на 192 веретенах перематывает 94 килограмма шелка! Ста граммов этой нити хватает на четыре квадратных метра капроновой ткани. Вот и посчитайте, скольких женщин одевает Анастасия Филипповна в ажурные кофточки, красивые блузки, тончайшие чулки,— все это из нити Когачевой.

гор. Энгельс.

«ТАКОЕ СЕРДЦЕ У МЕНЯ...»

Адхам АКБАРОВ

Все, о чем пишет Зульфия, воспринимаешь по-особому близко. Читая ясные и проникновенные стихи поэтессы, чувствуешь, как тревоги ее, волнения и радости становятся твоими волнениями и радостями. В этом один из вечных секретов настоящей поэзии, который, если вдуматься, раскрывается без труда. Просто судьба поэта неотделима от судеб тысяч его сограждан.

Такова и судьба Зульфии, народной поэтессы Узбекистана.

Она вспоминает свое далекое детство... Маленький дом на окраине старого Ташкента затерялся в путанице тесных, извилистых переулков. В каждом доме — своя, особая жизнь, старательно скрытая за высоким дувалом. Но всех, кто живет за этими дувалами, сближает одно: нужда — горькая и безысходная.

У жестянщика Исраила — семеро детей. Ох, как трудно прокормить их! С утра до ночи с его двора раздается на всю махаллю упрямое громыхание. Руки мастера покрыты ссадинами, но молоток его стучит и стучит, не уставая. Дети помогают отцу. Один подносит железный лист, другой несет только что сделанную трубу соседу, заказавшему ее.

Маленькая Зульфия, любимица семьи, восхищенными глазами смотрит, как работает отец. Пройдут годы, десятилетия, а в памяти ее по-прежнему будет жить эта картина, и в звонких апрельских грозах будет слышаться ей грохот отцовского молотка.

Навсегда запомнит она и свою мать — усталую, измученную, испытавшую на себе всю тяжесть доли бесправной женщины. Лишь по вечерам, когда дети ложились спать, мать преображалась: она рассказывала им старинные легенды, пела песни, и в грустных глазах ее загорался теплый, живой огонек.

— Она была птицей с подрезанными крыльями, сейчас я хорошо понимаю это, — говорит Зульфия. — Кто погиб в ней? Поэт? Ученый? Не знаю. Но я уверена, что любовь к слову, творящему чудеса, раскрывающему мир, ведущему человека к прекрасному, заронила мне в сердце мать — простая женщина, никогда не выходившая за порог своего дома.

И другое помнит Зульфия. Женский клуб. Над входом — портрет Ленина. На площади — митинг, там звучат горячие, страстные речи, и вот уже в огонь летит не одна сброшенная паранджа, и это тоже благодаря Ленину.

— Давнее, детское ощущение осталось у меня навсегда: Ленин причастен ко всему, что на земле называется счастьем, свободой, светом...

Это — начало. Начало жизни. Истоки судьбы.

Учеба в педагогическом техникуме, первое серьезное знакомство с литературой и, наконец, первые стихи... О чем писала пятнадцатилетняя комсомолка-активистка Зульфия Исраилова? Перед ее глазами стоял облик матери, в памяти всплывали рассказы узбечек о прошлом, а в мечтах ей рисовались черты новой женщины-землячки, наравне с мужчиной взявшейся за преобразование жизни. Это и было для нее живым источником вдохновения.

...На доме, в котором ныне живет Зульфия, прикреплена мраморная доска. Надпись гласит: «Здесь жил и работал выдающийся узбекский поэт Хамид Алимджан». Да, он жил в этом доме, он был учителем, другом, мужем Зульфии, этот замечательный поэт, один из основателей новой узбекской литературы.

— Хамид был моим старшим товарищем, чутким наставником, — говорит Зульфия. — У него я училась думать, работать, писать стихи...

Потом пришла война... Зульфия считает, что по-настоящему она родилась как поэт именно в военные годы. В грозный час битвы с врагом ей не пришлось долго искать нужного слова. Оно пришло к ней само, родилось в самом сердце, пламенное слово советской женщины-патриотки. Она писала о «жажде возмездья», о вере в победу, в то, что «исчезнут эти тучи с небосвода и жизнь опять счастливо зацветет под солнцем правды, мира и свободы». Она славила подвиги советских воинов, сравнивая их с делами легендарного Фархада. Но более всего она писала о женщинах, героических труженицах тыла, на плечи которых легли суровые мужские заботы. Писала о мужестве их и терпении, о верности и любви. Не раз в своих письмах на фронт узбекские женщины — матери, жены, невесты — переписывали ее строки: они выражали собственные их чувства и помыслы.

В 1944 году не стало Хамида Алимджана. Трудно передать всю тяжесть горя, которое обрушилось на Зульфию. Некоторое время она не могла работать, чувство горького одиночества не покидало ее. Но личная трагедия не заслонила от Зульфии мира. Скольким женщинам пришлось в те годы познать ту же беду, что постигла Зульфию! И то, что переживала она, еще больше сблизило ее с людьми: горе Зульфии было понятно другим так же, как она понимала горе жен и матерей, лишившихся своих близких.

Вершина лирической поэзии Зульфии — большой цикл стихов, посвященный памяти Хамида Алимджана.

Счастье женщины?
Что ж, я у женщин спрошу:
Разве я не счастливей
царицы-владычицы?
Я — в народной любви.
Я дышу и пишу
Для того, чтобы счастье
могло увеличиться.
Я иду по дороге,
любимым завещанной.
Прав народ, что счастливой
назвал меня женщиной!

«Самый счастливый человек — тот, кто дает счастье наибольшему числу людей», — говорил Дени Дидро. И именно **такое** понимание счастья отстаивает и утверждает в своей жизни и своей поэзии советская поэтесса Зульфия.

Зульфия — поэт лирического склада. Но мир ее лирики выходит далеко за пределы камерных, интимных переживаний, он, этот мир, широк и полнокровен, как широка и полнокровна жизнь каждого советского гражданина и патриота. Добрые спутницы поэтессы — «песня, мечта и любовь» — ведут ее в изумрудные просторы весенних полей, где трудятся хлопкоробы и хлебопашцы, приводят в красочный цветник, где вдохновенный садовод, «как ваятель строгий», выводит новые сорта роз, переносят в сухие, безводные степи, покоряемые волей и упорством человека. А в центре творчества Зульфии по-прежнему образ новой советской женщины Востока. Героиня Зульфии на равных правах с мужчиной строит новое общество. И потому такой сердечный отклик находят произведения Зульфии в душах тысяч и тысяч ее современниц. Имя узбекской поэтессы и ее стихи известны не только в нашей стране — ее знают в Индии, Бирме, на Цейлоне. В творчестве Зульфии женщины Азии и Африки видят выражение самых глубоких своих мечтаний и надежд. А живым воплощением этих надежд, светлым примером новой женщины Востока является для них сама Зульфия — страстный художник и борец, крупный общественный деятель, депутат Верховного Совета Узбекистана.

Творчество и общественная деятельность для Зульфии неотделимы друг от друга. Сколько тепла, сколько доброго сочувствия ко всем, кто борется за мир на земле, таит в себе сердечное стихотворение «Мушоира» (так называется традиционное состязание поэтов в Индии, участницей которого была Зульфия):

Друзья, идите к нам
под сень шатра,
Под сень добра.
Идите к нам! У нас мушоира,
Мушоира!

Признанием больших заслуг поэтессы и общественной деятельницы было решение Постоянного бюро Ассоциации писателей стран Азии и Африки о присуждении ей литературной премии «Лотос» за 1970 год. Эта премия добавилась к тем, что были присуждены Зульфии прежде, — премии имени Неру, врученной ей правительством Индии, и Государственной премии УзССР имени Хамзы за книгу стихов «Водопад».

Такое сердце у меня,
что в нем
Как будто бьются
все сердца людские,—

писала Зульфия в одном из своих стихотворений. Слова эти искренни и правдивы. Чуткое и отзывчивое сердце поэтессы воспринимает все грозы и радости века, в который ей выпало счастье жить.

Р. ЕРМОЛЬЕВА

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

ПЕРВЫЙ С

Два дня по прогнозу ожидали снега, а он выпал сегодня, в субботу, двенадцатого октября. Накануне небо было серым, тяжелым, низко нависшим над землей. К вечеру стало совсем неуютно, зябко. По всей деревне задымили трубы, во всех дворах жгли собранную в кучи опавшую листву.

Поутру деревня покрылась снегом. Он пошел ночью. Подгоняемый слабым ветром, он то и дело менял направления, таял под колесами машин и только по обочинам дороги и во дворе лежал, едва прикрыв еще зеленую траву.

В поле остались не убраны капуста и свекла. Такое случалось не часто, только тогда, когда снег выпадал рано.

К полудню деревня стала молочно-белой. Разгоряченные ребятишки бегали от дома к дому, весело перебрасываясь снежками. Снега было еще мало, и снежные комья лепились наполовину с сухими, опавшими листьями. Попадая в лицо, снежки оставляли грязные струйки.

От шума ребячьих голосов на дворе стоял такой гам, что бабка Агриппина не выдержала и, выйдя на крыльцо, прикрикнула:

— Цыц, окаянные! Чего расшумелись, или снега не видели? Кыш со двора! У себя дома глотки дерите.— И, громко хлопнув дверью, ушла в дом.

Данил Иванович, зять бабки Агриппины, недовольно отложил газету в сторону и подошел к окну. Затем тихо, стараясь не обидеть старушку, сказал:

— Чего ты, мать, на них расшумелась? Малые они еще, всему радуются.

— Да я что? Я без зла... Боялась, стекла не выбили бы. Им все одно чем пулять: летом мячами, а зимой снежками,— оправдываясь, проговорила Агриппина и принялась месить тесто.

Все знали, как Данил Иванович любит детей. С окончания войны работает он в школе завхозом, а жена его, Евдокия Федоровна, в той же школе учительствует. Чужих детей у них много, а вот своих, как говорится, бог не послал...

Данилка рос в семье один. Отец его был сельским врачом. В доме было много книг, и Данилка очень любил читать.

Бойкая девочка Дуся жила по соседству с тихоней Данилкой и по дороге в школу всегда заходила за ним. Десять лет просидели они за одной партой.

Школьные годы летели так быстро, что не заметили, как пришла десятая весна.

Дуся в эту весну казалась особенно красивой. То ли от выпускного платья, пышного, в оборочках, то ли оттого, что срезала длинные тонкие косички; крутые завитки шелковистых волос игриво ласкались о ее плечи.

Дуся с детства мечтала быть учительницей. Семья у них была большая: три сестры, два брата. Мать растила детей одна. Отец умер рано, кулаки во время раскулачивания закололи его вилами.

Дуся была средней среди детей, а вела себя как старшая после матери. Она проверяла у всех тетради и строго спрашивала с каждого, кто умудрялся получить плохую оценку. В доме ее так и звали: «Классная дама». Закончив школу, Дуся нисколько не сомневалась, куда ей идти учиться.

Иначе было у Данила. Родители хотели, чтоб сын стал врачом, а сам Данил мечтал стать летчиком-полярником. В домашних спорах победил Данил. Его зачислили в летное училище.

В сорок первом году Данил с Дусей меньше всего думали о войне. Они только начинали жить, строили планы на будущее, когда вдруг черный репродуктор оповестил о начале войны.

В декабре сорок второго года Дуся провожала Данила на фронт. Они стояли на перроне вокзала. Тревожно перекликались паровозы.

— Береги себя, Данилушка! — шептала Дуся замерзшими губами.

— Не беспокойся,— отвечал Данил, поцелуями согревая ее губы.— Ты меня жди, обязательно жди! Слышишь?

— Слышу, слышу,— шептала Дуся.— Я буду тебя ждать, буду. Напиши сразу. Вот конверты.— И она сунула в карман шинели пачку конвертов.

— По вагонам! — раздалась команда.

С трудом оторвавшись от Дуси, Данил шагнул в темноту. Раздался протяжный паровозный гудок. Поезд ушел, оставив клубы дыма. Когда дым рассеялся, впереди проглянули опустевшие рельсы.

Вначале письма с фронта приходили регулярно. Данил открыл счет сбитым фашистским самолетам, на гимнастерке проколол первую дырочку. За мужество и отвагу, проявленные в боях, командование наградило Данила Ивановича Егорова орденом Красной Звезды.

...Однажды, возвращаясь из института, Дуся почувствовала, как земля стала уходить из-под ног, закружилась голова. «Это от голода»,— подумала Дуся.

Через несколько дней с Дусей повторилось то же самое. Она стояла в очереди за хлебом, как вдруг к горлу подступила тошнота, все куда-то поплыло, Дуся медленно стала оседать. Чьи-то руки подхватили ее и поставили на ноги. Дуся оперлась о стенку дома, лицо мертвенно похолодело.

— Что случилось? — раздались голоса.

— Обморок,— ответил кто-то.

— Пропустите девушку вне очереди, видите, ей плохо,— услышала Дуся и почувствовала, как кто-то стал подталкивать ее к прилавку. Точно во сне, Дуся подала продавщице карточку, в руках у Дуси оказался кусочек черного хлеба.

От хлебной краюхи потянуло вкусным запахом. Дуся прижала хлеб к губам и вдруг у самого уха услышала чей-то шепот: «Доченька, не ребенка ли ты ждешь?» У Дуси зазвенело в ушах: «Ребенок, ребенок, ребенок». О нем она вовсе не думала, вспоминая последнюю перед отъездом Данила на фронт ночь.

...С волнением ожидал Данил писем от Дуси. Но их не было. Раньше Дуся писала часто, а тут почему-то внезапно замолчала. В тревоге вылетел Данил на очередное задание.

Бой был горячий: сбили семь самолетов противника, своих потеряли три. В числе сбитых оказался боевой друг Данила, Костя Синицын. В горящем самолете Костя пошел на таран, погиб сам и уничтожил еще один вражеский самолет.

Мрачным вылезал из кабины самолета Данил. Он все еще видел горящий самолет, взрыв и куски металла, беспорядочно падающие вниз.

Каждый день в полку теряли товарищей... Но Костя Синицын был самым близким другом Данила. В первом бою Костя прикрыл Данила, подставив свою машину, и с пробитым фюзеляжем едва дотянул до аэродрома. С тех пор они сражались в одном звене.

— Егоров! — остановил Данила лейтенант.— Пляши! Тебе письмо.

— Не до пляски,— сухо бросил Данил.— Костя Синицын не вернулся.

Только перед сном Данил вспомнил о письме. Быстро разорвал конверт, начал читать, не совсем понимая, о чем она ему пишет. Вдруг что-то подхлестнуло его. Он присел к столу, вырвал из блокнота лист бумаги и написал: «Несколько часов назад на моих глазах погиб Костя Синицын. Он был моим лучшим другом. Костя спас меня, а я не смог... О чем ты пишешь, какой ребенок? Если он мой, я буду ему отцом, если чужой, поступай, как знаешь...»

...Наступил долгожданный час. Первого сентября Евдокия Федоровна — Дуся впервые вошла в класс.

Она вернулась в родное село. Теперь ее все зовут Евдокией Федоровной.

Дуся поселилась в доме своего детства. Сейчас оно ей казалось таким далеким, точно вся жизнь осталась позади. Два брата погибли на фронте. Старшая сестра вышла замуж и уехала на Урал. Младшая сестренка работает в колхозе, помогая по хозяйству матери.

Агриппина Кондратьевна, мать Дуси, согнулась, поседела и выглядела совсем старушкой, хотя лет ей было немногим больше пятидесяти. И все же с приездом Дуси она повеселела, хотя сердцем чувствовала, что у дочки что-то произошло с Данилом.

Отец Данила ушел в ополчение, и с тех пор о нем ничего не было слышно. Мать эвакуировалась в Казахстан и, как говорили в селе, умерла там.

После того горького письма Дуся больше не писала Данилу. Обида глубоко запала в ее душу. Приходили от него в институт «треуголки», она, не читая их, рвала на мелкие кусочки. Как он мог не поверить ей? Как мог усомниться?!

С переездом Дуси в родное село письма Данила совсем перестали приходить...

Отгремели залпы Победы. К первой послевоенной жатве в Лопатино стали возвращаться уцелевшие мужчины, приехали из эвакуации сельчане. Жизнь в деревне пошла веселей.

Глубокой осенью, с первым снегом, ночью кто-то постучал в окно Дуси. Агриппина Кондратьевна набросила на плечи платок и вышла в сени.

— Кто там? — спросила она.

— Я, Данил. Откройте, Агриппина Кондратьевна.

— Ах, батюшки! Данилушка, откуда ты, сынок? — обрадовалась Агриппина Кондратьевна.— Жив, здоров! А мы-то уж чего только не передумали. Заходи, заходи!

Дуся, услышав голоса, соскочила с кровати. Быстро набросила платье.

Данил вошел в комнату, поставил у двери небольшой чемодан, стараясь в темноте отыскать Дусю. Мать стояла в сторонке и, тихо плача, вытирала слезы.

— Да что же мы? — спохватилась Дуся.— Раздевайся, Данил.— И потянула его за рукав. Рукав был пустой. Громко зарыдав, Дуся прижалась к Данилу.

— Прости меня, Данилушка, прости! Если бы я знала, сама б к тебе приехала.

— Ой, Данилушка, родной ты наш! — запричитала и Агриппина Кондратьевна.— Хоть и без руки, а все ж вернулся. Вот бы матушка счастлива была б твоему возвращению...

— Будет слезы лить! Живого встретили, не похоронку получили,— успокаивал Данил женщин.

Он ловко взмахнул правым плечом, и шинель сползла на уцелевшую левую руку. Дуся хотела помочь, но он сам повесил шинель на вешалку.

— Я сам, сам,— спокойно сказал Данил. Было видно, что Данил привык действовать одной рукой. Он расстегнул пояс на гимнастерке, сбросил сапоги и в толстых шерстяных носках прошел в глубь комнаты.

Женщины проворно накрывали на стол. Появилась припасенная к празднику бутылка водки. Агриппина Кондратьевна наполнила рюмки и сказала:

НЕГ

— С возвращением тебя, Данил Иванович! Голова цела, ноги целы, проживем, не тужи! — Поднесла рюмку к губам и выпила до дна...

На другой день вся деревня знала о возвращении Данила Егорова. Люди валили в дом посмотреть на боевого летчика, посчитать награды, послушать о воздушных боях.

Данил уцелевшей рукой трепал вихрастые чубы ребятишек, а те по очереди примеряли фуражку с крылатой птицей над козырьком.

Вечером, оставшись вдвоем с Дусей, он обнял ее за плечи и, виновато опустив голову, спросил:

— А где же наш ребенок? Ты больше ничего мне о нем не писала...

Дуся отодвинулась от Данила и отвернула голову в сторону, чтобы спрятать слезы.

— Нет у нас ребеночка. Ты не поверил мне, я сгоряча и решилась...

— Я в тот день сам не свой был, такого друга потерял! С досады черт те что написал тебе! А потом, сколько ни писал, ты не отвечала. Не знал, что и подумать, как найти тебя!

Дуся прижала ладони к лицу и горько заплакала.

— Ничего, все еще поправимо,— успокаивал Данил Дусю.— Справим настоящую свадьбу, если ты пожелаешь, конечно, и будут у нас дети. Много детей, сколько захочешь.

В конце ноября они сыграли свадьбу. Со всего села приходили люди поздравить молодых. Привыкли люди во время войны делиться последним и на свадьбу шли со своим, с лучшим, что было дома.

От веселья в доме стоял такой шум, что Агриппина Кондратьевна побаиваться стала, не развалили бы дом.

А как было не веселиться, когда после войны первую свадьбу в Лопатине справляли в их доме. Большая деревня была до войны, да мало кто уцелел, да и уцелевшие не все в деревню вернулись.

...Замелькали дни, посыпались с календаря листки. Прошел год, два... Шли годы, а детей у них все не было. Сначала Данил в шутку по первому снегу снегурочку лепил, а чем старше становились, тем все реже радовались такой забаве. С каждой зимой уходила надежда.

Как-то раз Дуся сказала Данилу:

— Давай расстанемся! Ты еще молодой, красивый. Возьмешь себе молодуху, и нарожает она тебе сыновей. А меня, видать, за гордость бог покарал! Чего тебе со мной маяться?

— Умная ты, Евдокия, а дура! — в сердцах ответил Данил.— При чем тут бог? Ты все же учительница и как так можешь говорить? Сам я больше тебя виноват. Не должен был так писать. Как мог подумать такое?! Не виновата ты, и нечего больше об этом говорить! Что, мало тебе ребят в школе?

Так и живут с тех пор. По вечерам вместе тетради проверяют. Только каждый раз, когда выпадает первый снег, грустит Данил Иванович.

...Вот и в этот день он долго стоял у окна, пока ватага ребятишек не скрылась из глаз. Агриппина Кондратьевна поставила ведро с тестом поближе к печке, чтобы скорее взошло, и накрыла его полотенцем.

— Пироги с капустой сегодня будут, Данил Иванович,— проговорила она.

Данил Иванович вышел во двор, смел веником снег с крыльца и, широко размахивая рукой, зашагал к школе, оттуда слышался звонок большой перемены.

И. Р. РАХИМОВА,
секретарь ЦК КП Таджикистана

В октябре 1974 года отмечается 50-летие образования Таджикской Советской Социалистической Республики и Компартии Таджикистана. Невиданными успехами в развитии экономики и культуры отмечен полувековой путь республики в братской семье народов СССР. Огромное социальное завоевание республики — полное раскрепощение таджикской женщины, приобщение ее к активной трудовой и общественно-политической деятельности. Корреспондент «Огонька» Л. Леров обратился к секретарю ЦК КП Таджикистана И. Р. РАХИМОВОЙ с просьбой рассказать о судьбе женщины-таджички.

СЧАСТЬЕ НОВОЙ ЖИЗНИ

ВОПРОС. *Ваша республика готовится достойно отметить 50-летний юбилей. Как изменилось за годы Советской власти положение женщины-таджички, что нового внесли в ее жизнь эти десятилетия?*

Ответ. Для таджикского народа, имеющего многовековую историю, полвека — срок небольшой. Но какие огромные изменения произошли за это время во всех сферах общественной жизни на нашей земле! От деревянной сохи до мощных тракторов и комбайнов, от коптящей лучины до гигантских электростанций, от букваря до Академии наук...

Можно было бы, конечно, сослаться на перемены в своей собственной жизни, в жизни сверстниц, подруг, вспомнить, что наше детство проходило в ту пору, когда на таджикской земле еще господствовал такой обычай: если в семье рождался мальчик, то счастливый отец ликовал от радости — будет еще один работник в семье! А если рождалась девочка, то скорбела вся семья: появилось на белом свете еще одно несчастное существо.

Не по книгам и кинофильмам знают люди моего поколения о том, какой забитой, угнетенной, бесправной была женщина Востока. Затворничество таджички, полное ее отрешение от внешнего мира, паранджа и чачван, калым, беспрекословное подчинение мужу... Все это кануло в вечность. Летом минувшего года у нас собрался юбилейный, десятый съезд женщин. И мы в этой связи поинтересовались составом трехсот делегаток первого съезда, состоявшегося в 1923 году. 118 неграмотных, 63 малограмотных, и только семь из трехсот имели высшее образование. То было начало трудового пути республики. И вместе с ней нехожеными тропами таджичка поднималась к высотам знаний, культуры, к пониманию глубины и широты тех задач, что решал ее народ, к пониманию значимости своего места в решении этих задач.

А вот данные о шестистах делегатках X съезда женщин Таджикистана. Среди них — двадцать два директора предприятий, организаторы промышленного производства: инженеры, конструкторы, экономисты; сто сорок три труженицы колхозов и совхозов, в том числе два председателя колхозов, двадцать семь бригадиров, двадцать две заведующих фермами, восемь водителей хлопкоуборочных комбайнов. Среди делегаток — двадцать научных работников, тридцать два врача, пятьдесят девять деятельниц народного образования, двадцать один директор школы, шесть актрис. Тридцать пять делегаток — это министры, руководители республиканских организаций, шестнадцать — секретари горкомов и райкомов партии, семь — депутаты Верховного Совета СССР и сорок одна — депутаты Верховного Совета республики. Почти половина делегаток — с высшим и незаконченным высшим образованием.

ВОПРОС. *Цифры, конечно, впечатляющие. Хотелось бы узнать о сегодняшних делах таджикских женщин, их вкладе в выполнение заданий девятой пятилетки.*

Ответ. Радостно отметить, что таджичка ныне находится на переднем крае строительства новой жизни. Сколько патриотических дел, запевалами которых являются женщины, совершается сейчас в республике! Ткачиха Кайраккумского коврового комбината Мутабар Рахманова выполнила личный пятилетний план. Работница объединения «Таджикатлас» Гульчехра Тагаева уже давно трудится в счет 1974 года. Она, конечно, выполнит задание пятилетки досрочно. Труженики столичной швейной фирмы имени 50-летия СССР, а здесь девяносто процентов работающих составляют женщины, соревнуются за бездефектное изготовление продукции. И нельзя не отметить, что они добились несомненных успехов.

Почти половина всех тружеников сельского хозяйства — женщины. Это их золотыми руками преображается таджикская земля. У нас есть районы, где успех битвы за большой хлопок буквально решают женщины. Всей республике известны славные дела Героя Социалистического Труда Хосият Пирназаровой, механизатора Хурсанд Разыковой, председателя колхоза Энаджон Байматовой. Дильбар Нурматова из колхоза имени Фрунзе, Ходжентского района, в минувшую страду за 29 дней выгрузила из бункера 280 тонн хлопка. Рекорд!

И сейчас, в четвертом, определяющем году пятилетки, наши женщины трудятся по-ударному, проявляя творческую инициативу.

В условиях социализма расцвели, ярко раскрылись таланты женщины-таджички, ставшей ныне непосредственным творцом культуры и науки. Сокровищницу советской культуры обогатили своими творениями наши женщины — ученые, поэтессы, кинематографисты, художницы, музыканты. Широко известны имена народных артисток СССР Ханифы Мавляновой, Туфы Фазыловой, Малики Сабировой.

Перед женщинами республики открыт широкий простор для созидательного труда и творчества. Но будет неправомерным, если я скажу, что все здесь гладко, как говорится, ни сучка, ни задоринки. Привычки и условности, сложившиеся на протяжении веков, окрашенные религиозным влиянием, нет-нет да и дают о себе знать.

ВОПРОС. *Вы имеете в виду пережитки прошлого?*

Ответ. Да. На Ура-Тюбинской фабрике верхнего трикотажа работала девушка Манзура Кабилова. Работала хорошо. Ставили ее в пример другим. Вышла замуж. Поздравляют ее, а она чуть не плачет: родственники мужа запретили ей работать на фабрике. Пять месяцев длилась битва общественности за душу, за честь, достоинство Манзуры Кабиловой. И победа была одержана. Женщина вернулась на производство.

Сильнее сказываются предрассудки на селе. Все еще бытует мнение, что не женское, мол, это дело садиться за руль трактора или комбайна. Между тем в селах республики многие женщины уверенно овладевают техникой наравне с мужчинами. А иногда и лучше.

ВОПРОС. *Расскажите, пожалуйста, о той работе, которая проводится в этой связи в Таджикистане — я имею в виду приобщение жен-*

Заботой и вниманием окружены дети. Большая заслуга в этом принадлежит женщинам — педагогам, воспитателям, врачам. У будущих педиатров, студентов медицинского института, экзамен.

Внизу: В детском саду Железнодорожного района Душанбе.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Наргис Файзуллаева — экскурсовод отдела изобразительного искусства республиканского музея. Бозгуль Исаева — народная артистка Таджикской ССР. Ее вы видите в партии Одетты в балете «Лебединое озеро». Маленькая Мусалам Казиева еще не решила, кем станет. Может быть, тоже артисткой: Мусалам очень любит танцевать. А может быть, как и ее мама, работница фабрики «Аргумон», она будет делать для детей игрушки.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

щины к активному участию в коммунистическом строительстве.

Ответ. Партийная организация республики ведет целенаправленную работу по вовлечению женщин в активную трудовую и общественную деятельность, всячески поддерживает движение женщин-механизаторов. Многое делается, чтобы преодолеть робость некоторых наших женщин, их неуверенность в своих силах. Ведь порой им не хватает должной решительности, настойчивости в борьбе с косностью, недоверием к их способностям со стороны некоторых отсталых людей.

В Таджикистане многое сделано, чтобы создать женщинам условия для высокопроизводительного труда. Речь идет о строительстве постоянных и сезонных детских яслей и садов, о благоустройстве полевых станов. Служба быта в республике крепнет. Но размах, а главное, качество ее услуг еще не удовлетворяют нас. Я хочу напомнить, что Таджикистан по рождаемости стоит на первом месте среди союзных республик. Семьи у нас многодетные. Совсем еще молодая женщина имеет трехчетырех детей. Она бы и рада пойти в поле, на фабрику, но с кем детей оставить: яслей, детских садов еще недостаточно. Особенно в селах.

Во всей работе среди женщин, в их коммунистическом воспитании большое место мы отводим женсоветам. Их в республике более девятисот. Много славных дел на счету женсоветов ряда предприятий Душанбе, Хорога, Курган-Тюбе и других городов и районов. В их поле зрения — повышение трудовой и общественной активности женщин, рост их культурного и общеобразовательного уровня. Они заботятся о создании в коллективах условий, при которых полностью раскрывалась бы творческая индивидуальность труженицы. Много внимания уделяется вопросам воспитания детей, семейно-бытовым отношениям. А быт, семья — это сложная и тонкая сфера, где надо действовать с большим тактом, ясно представляя границы «запретных зон», помня, что неосторожное слово, бестактное вмешательство порой могут встать между людьми глухой стеной непонимания.

Именно в быту цепко держатся и наиболее часто проявляются пережитки прошлого в сознании и поведении людей. И именно здесь во всей своей красе предстают женщины-таджички, смело выступающие против тех, кто еще держится за дедовские обычаи. Нельзя не порадоваться за такую волевую женщину, как Погизамох Орипова, которая не побоялась дать знать, что ее муж Гулмурод Фаизов, решив женить сына, выдал родителям невесты большой калым.

Среди делегаток последнего съезда женщин была председатель кишлачного Совета Анаой Вахобова. Она рассказала, как ей самой пришлось испытать цепкую силу предрассудков. Отец запретил Анаой ходить в школу. Но она осмелилась продолжать занятия. Тогда отец запер ее в комнате: «Не потерплю позора!» Она сбежала и снова стала ходить в школу. А до школы несколько километров. Учителя, общественники пристыдили отца, и он сдался.

Важное место в нашей работе занимает преодоление религиозных предрассудков. Они проявляются в различных формах. Иногда броско, открыто, а иногда и очень скрыто, под личиной якобы безобидных народных обрядов, традиций, обычаев. А на самом деле это не что иное, как религиозный обряд. Мы стремимся к тому, чтобы атеистическое воспитание женщин имело точный адрес, проводилось не вообще, а среди тех людей, которые попали под влияние религии. И тут велика роль нашей интеллигенции — учителей, ученых, врачей, специалистов народного хозяйства. Партийные организации стараются привлекать их к таким важным делам, как внедрение в быт новых интернациональных, общесоветских обрядов, традиций, ритуалов. У нас прочно утвердились такие, например, обряды, как поздравление с новорожденным, комсомольско-молодежные свадьбы, проводы на пенсию, в армию, торжественная регистрация брака, посвящение в рабочие.

ВОПРОС. А каковы результаты?

Ответ. Они весьма ощутимы. Все больше людей порывает с религиозными предрассудками. Девушки не хотят выходить замуж за женихов, которых «сосватали» им родители, открыто восстают против брака по расчету. Такое сейчас бывает редко, но все же случается. Об этом, в частности, шла речь и в письме, с которым познакомила меня ваша редакция,— я имею в виду письмо в «Огонек» из Московского района республики. После школы Фарита Рустамова решила пойти учиться в ПТУ, хотела стать трактористкой. Отец воспротивился. У него в отношении дочери были свои планы: выдать замуж за обеспеченного родственника. Калым уже был подготовлен. Девушка сказала отцу: «Этого никогда не будет». И пошла в ПТУ. Ее поддержали в правлении колхоза, руководители комсомольской организации. Как отличницу учебы, ее послали в Душанбе, в индустриально-педагогический техникум. Здесь она встретила парня, которого полюбила и за которого потом вышла замуж. Примерно так же сложилась судьба и другой «беглянки», Одинамох Мирзоназаровой, не пожелавшей выйти замуж за человека, которого ранее и в глаза не видела.

Серьезное значение придается в республике массово-политической работе среди женщин по месту их жительства, в семье. Важную роль в этом играют народные университеты культуры и быта. Их сейчас семьсот шестьдесят пять, из которых более пятисот — специально для женщин. В программе этих университетов — лекции на политические и атеистические темы. Здесь женщины знакомятся с проблемами коммунистического воспитания детей, культуры быта, основами педагогических знаний. Активистки приходят в дома колхозниц, учат их, как лучше, по-современному обставить квартиру, оборудовать детский уголок, правильно организовать режим питания.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что мы делаем и будем делать все для того, чтобы наши женщины были духовно богаче, чтобы рос их общеобразовательный уровень, чтобы росла их трудовая и общественная активность, чтобы каждая из них жила полнокровной жизнью, чтобы их труд был радостным, а отдых интересным, приятным.

Можно не сомневаться: труженицы Таджикистана будут идти в первых рядах строителей коммунизма.

Я была делегаткой Всемирного конгресса миролюбивых сил и слушала яркую речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. В ней мы видим воплощение последовательной миролюбивой политики КПСС и Советского правительства, последовательную защиту интересов советского народа, трудящихся социалистических стран. Это был страстный и искренний призыв к объединению людей доброй воли ради достижения благородной цели — обеспечения прочного мира. А мир — это значит счастливая жизнь, счастье миллионов людей — мужчин, женщин, стариков, детей.

ПОЭТ И ЧЕЛОВЕК

«Я люблю Россию. Она не признает никакой иной власти, кроме Советской». Пятьдесят два года назад эти слова произнес Сергей Есенин в интервью берлинскому корреспонденту. Казалось бы, куда точнее и яснее выражено отношение великого национального поэта к революции, его политическое, идейное кредо. Кредо советского поэта и гражданина.

Однако между этим высказыванием, определенным, не требующим комментариев, и новой публикацией Ю. Прокушева* пролег полувековой период, когда поэта некоторые не в меру ретивые критики ничтоже сумняшеся зачисляли то в певца патриархальщины, а то и просто в лагерь не принявших Советской власти. Немало было на этом полувековом пути россказней и анекдотов, устных и печатных (изданных немалыми тиражами), где на все лады смаковались истории и историйки, ничего общего не имевшие с подлинно чистой душой Поэта и Человека — Сергея Есенина.

О, эта вечная страсть мещанина и обывателя, ряженного в костюм литературного критика-исследователя, выкопать из житейского хлама что-то такое, что-де не просто принадлежало поэту и было им самим выброшено в мусорный ящик, но, наоборот, в общем-то и составляло его подлинную суть.

Мне пришлось лет десять тому назад в одном из сопредельных с Константиновом сел слышать бессвязные бредни «воспоминателя» «о Сережке». Их с охотой за чарку плел человек, которому, как позднее оказалось, в день смерти великого поэта минуло... десять лет. Я никогда бы не вспомнил об этом, мягко выражаясь, «литературном сплетнике», если бы не прочел почти те же самые бредни (конечно, записанные со слов воспоминателя) в одной из опубликованных статей.

«Воспоминания» и «исследования» такого сорта продолжали появляться все реже, правда, когда имя Есенина навечно встало в ряду «величайших поэтов мира» (цитирую Назыма Хикмета).

Десятки подлинных исследователей-литературоведов у нас в стране и за рубежом, обращаясь к наследию поэта, находят в нем все новые и новые подлинные жизненные факты, говорящие о том, что Есенин не имел ничего общего с тем своим пародийным «двойником», которого успело в какой-то мере создать литературное мещанство.

Многие годы любовно и, я бы сказал, одержимо ведет исследование творчества и жизни Сергея Есенина Юрий Прокушев. Его полные глубокой аргументации и фактов статьи всегда несут в себе открытие: будь это фраза поэта, сказанная им в интервью берлинскому корреспонденту газеты «Накануне», или высказывания зарубежных писателей о Есенине, или еще одна подлинная страничка рукописи, найденная им.

Новая книга Юрия Прокушева «Сергей Есенин. Поэт. Человек» удивительно щедро населена такими вот открытиями.

С момента издания книги прошло всего несколько месяцев, а она уже стала библиографической редкостью.

В ней Есенин показан в самые разные периоды своей жизни, читатель присутствует при событиях, решающих в судьбе русского таланта, видит обстановку, в которой он рос,— чарующая природа Рязанщины, Константиново, где в деревенском мальчишке зарождался великий поэт, переезд в Москву, первые литературные опыты, участие в рабочем движении, первая мировая война, революционный Петроград, работа в поэтическом цехе молодой Советской республики... Необычайно многогранен облик Сергея Есенина, поэта и человека, встающий со страниц книги, необычайно широки тематика и направленность поисков исследователя, ведущих к этой многогранности: Есенин-журналист, Есенин-историк, Есенин — полпред советской поэзии за рубежом...

Неторопливо, рачительно (уж очень подходит это слово к исследовательской манере Прокушева) ведет автор читателя по страницам биографии поэта. И не просто ведет, предлагая нам факты, но раздумывает над ними, предлагая свой философский взгляд.

С первых же глав ощущаешь эту отчетливую тенденцию, и вскоре ловишь себя на мысли, что не можешь не согласиться с определенной, очень точной позицией исследователя.

В этой не очень объемистой книжке, всего в семь с небольшим печатных листов, тесно словам, но мыслям просторно.

От этого и ощущение, что прочитан большой труд, труд не бесстрастного искателя, но человека, влюбленного в каждую есенинскую строчку, в каждый, даже самый незначительный факт его биографии. А факты — вещь упрямая; из них и только из них складывается ясный гражданский портрет Есенина — Поэта и Человека, созданный Юрием Прокушевым.

Ю. СБИТНЕВ

* Ю. Л. Прокушев. «Сергей Есенин. Поэт. Человек». М., «Просвещение», 1973.

Таджикский молодежный театр — новый в столице. Благодаря телевидению с его искусством могут познакомиться жители самых отдаленных кишлаков. Занятия по художественной гимнастике в детской спортивной школе ведет мастер спорта СССР Парвина Кадырова.

Галина **БЕЛОВА**

ПРОТАЛИНКА

* * *

Я — не парусным кораблем,
Что плывет, повинуясь ветру, —
Первым в марте, скупым дождем
Простучу свои километры.
Пусть он короток, этот дождь,
Даже снег от него не тает.
Пусть неопытен. Ну так что ж!
Вслед за ним весна наступает.

* * *

Не поверишь, но Москва спала,
А сосульки не роняли слезы.
Но упала капелька тепла
На дома, подвластные морозу.

И, поверив, что наступит март,
Улыбнулись дворнику две маленькие,
Неприметные на первый взгляд
Первые весенние проталинки.

И, заметив солнечных гонцов,
Рассмеялась сонная девчушка:
Это ведь смешно в конце концов,
Что зимой на улице — веснушки!

* * *

За росу, за туман ли, за крик петушиный,
За мычанье коровы, дворовую брань
Я люблю этот дом на пригорке плешивом,
Где как символ уюта — большая лохань.

И опять, как бывало, на сенник душистый,
И не спать до зари, и с восторгом опять
Все житейские истины вечером мглистым
На мерцание звезд в ручейке променять,

На луга медуницы, на ноги босые,
На скрипучие лавки, на птичий галдеж,
Чтобы где-то в душе поднималась Россия,
Вся в новинку, как жизнь, и исконна,
как рожь.

* * *

Было в хате прохладно и прибрано,
За окошком тянулась трава.
Не придуманные, не выбранные,
А запали вот в душу слова.

Мне хозяйка, обид не выказывая,
Крынку ставя на скобленный стол,
Не спеша так, тихо рассказывала,
Как сынок с войны не пришел.

Все писал: «Погоди, маманя,
Разобьем — и домой вернусь...»
Да, видать, судьбу не обманешь —
На чужбине убит Петрусь.

Видишь, матери что осталось?
Только полочка — хлопца труд,
Да вот карточка, где снимались —
Мы тут с батьком и Петька тут...

И забылась, тронув дощечки,
Замолчала, прикрыв глаза...
И шипели поленья в печке,
Как упавшая в пламя слеза.

* * *

Какая тишь. Какая свежесть.
Какая сладостная тень!
Меня охватывает нежность
При виде русских деревень.

Здесь все порядком изменилось.
Вот дед Семеныч захворал —
«На все, знать, дочка, божья милость.
Да что там, мне давно пора!»

А там построили конюшню,
И новый клуб, и сельсовет,
А вот соседки тети Нюши
Уже давно на свете нет.

А старый сад все так же светел
И так же грушами богат,
И так же на подворье дети
Гоняют меченых цыплят...

Встаю до света. Из колодца
Воды достану ледяной.
Ты спи пока, шальное солнце,
Еще находишься со мной.

Подсолнух вслед мне смотрит робко,
Ведь, проходя через межу,
Я, как когда-то, неторопко
На встречу с детством выхожу.

Ирина **ПАНОВА**

ПЕСНЯ ЛЕНЫ ЗА КОРМОЙ ЗВУЧАЛА...

ЛЕНСКИЕ СТОЛБЫ

Над рекой столбы шаманят,
поднимая к небу пальцы.
Кружат белые туманы
возле них в полночном танце.

С давних пор упрямый ветер
здесь устроил мастерскую.
Он ломает камни эти,
с высоты упасть рискуя.

Зажигает солнце рано
окна в старой панораме.
И букеты из саранок
разгораются кострами.

* * *

Над сушей и над морем
и при любой погоде
рисуют в небе зори
художники-восходы.

Они находят краски
для каждого мгновенья
и дарят людям сказки
огня и вдохновенья.

Не требуя признанья
и не взымая платы,
всегда верны призванью
художники-закаты.

У мастеров бродячих
и краски неспокойны.
Спрошу у них, что значит
улыбка Джиоконды.

* * *

Ночами мне кажется Лена другою,
не знаю, как это тебе объяснить.
А все оттого, что летят над тайгою
бессонные ночи, бездомные сны.
И в снах этих ветер листает
страницы
кудлатых туманов, летящих
над ней;
закат охраняет на небе границы,
огнем разделяя течение дней.
Нигде я не видела неба такого
и красок таких не встречала нигде.
Лучи, растопив ледяные оковы,
рисуют по небу, плывут по воде.
Все шире и выше под этой
зарею —
река в океан превратиться
не прочь...
И так далеко-высоко над землею
бездонное небо в бессонную
ночь.

ЛЕНА

Не связана плотинами,
не взнуздана мостами —
летит, шумит быстринами
могучих вод восстанье.
Назвать ее мне хочется
Еленою Прекрасной,
но, думаю, без отчества
зовут ее напрасно.
До головокружения
здесь дали необъятны.
Река в своем движении,
как будто в деле ратном:
лавиной надвигается —
сдается даже камень.

На Лене навигация
кричит в туман гудками.

* * *

Чтоб на «ты» с ветрами спорить,
измеряют путь шагами.
Будет память верно вторить
звукам всем в дорожной гамме.
На плечах рюкзак — не бремя.
Но хорош ответ едва ли
для шагающей сквозь время
Транссибирской магистрали.
Самолет летит быстрее,
но нельзя увидеть с неба,
как рассвет лучами греет
дым березового снега.
Поезда умеют сложно
бег секунд на рельсах выбить.
Неспеша глазами можно
по глотку дорогу выпить.
Я несу теперь с собою
эти реки, эти дали,
это небо голубое
и фантазии в металле,
что с орбиты над тайгою
мир в объятия поймали.
День обычный мал и тесен
для таежной вольной шири.
И слова неспетых песен
ждут сказителей в Сибири.

ЦЫГАН

Анатолий **КАЛИНИН**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Откочевали последние тракторы из осенней степи. Черно зияла развороченная ими земля. Грачи выбирали червей из холодеющих борозд свежей зяби.

Невесело в это время на дороге, рассекающей почти совсем безмолвную и безлюдную степь. А этим старым военным картам все еще не видно конца. И то и дело выплывающих впереди из-под траурной пыльной кромки могил твоих товарищей уже нанизалось на дорогу столько, что ты уже как будто несешь их на своем плече, и все ниже клонит тебя к земле этот груз. Но и остановиться нельзя. И все больше растет твоя перед ними вина, что не ты, а они остались лежать под тяжелыми плитами и под совсем малоприметными бугорками земли в стылой степи. Хоть ты перед ними и не виновен ни в чем.

Все так же о чем-то шепчется с дорогой колесо мотоцикла, поскрипывает седло и сбоку, чуть наискось, неотступно скользит по-беркутиному сгорбленная тень.

Вот так недолго и пропустить тот момент, когда вдруг прямо поперек твоего пути вырастет будто из-под земли человек, и едва успеть надавить на тормозную педаль, когда он что-то закричит и нелепо, суматошно замашет перед тобой руками.

Сперва Будулай подумал, что это какой-нибудь дорожный ремонтер показывает ему объезд. Тем более, что нечто похожее на красный лоскут трепыхнулось у него в руке. Должно быть, поставили на дороге предупредить, что впереди подломился мостик или же что-нибудь другое преградило путь. И только тогда убедился в своей ошибке Будулай, когда этот совсем маленького роста человек в картузе вдруг проворно вспрыгнул сзади него на багажник мотоцикла и обжег его ухо цыганской скороговоркой:

— Налево, рома, сворачивай и спускайся прямо в овраг. Там уже все наши собрались.

Недоумевающий Будулай хотел было тут же нажать на тормоз и объяснить этому неожиданному провожатому, что произошла явная ошибка и он меньше всего рассчитывал теперь на встречу с какими-нибудь цыганами, но провожатый не дал ему открыть рта, тут же восторженно сообщив:

— И Тамила уже приехала на своей новой «Волге». Она, когда опаздывают, шибко не любит.

А тут и тормозить уже было поздно, потому что сразу же, налево от дороги, и начался спуск в тот самый овраг, о котором упомянул его неожиданный провожатый. Такой крутой, почти отлогий спуск, что и на педаль тормоза было бы бесполезно нажимать. И такое зрелище распахнулось перед взором Будулая на дне этого оврага, что он сразу же и забыл о своем провожатом. Впрочем, стоило Будулаю лишь притормозить на дне оврага, как этот маленький цыганок тут же и спрыгнул из-за его спины с мотоцикла, куда-то бесследно исчез. Больше Будулай так и не видел его.

Весь этот большой и невидимый от дороги овраг, укрытый от взоров зелеными волнами шиповника, был заставлен повозками с цветными брезентовыми шатрами, похлопывающими под ветром, и без всяких шатров и бурлил людьми, одетыми так, что их нельзя было бы спутать ни с какими другими людьми: это были цыгане. Давно уже не приходилось видеть Будулаю, чтобы сразу столько их собралось в одном месте. Десятки, а может быть, и сотни выпряженных из телег и стреноженных лошадей разбрелись по оврагу, поросшему по обе стороны ручья курчавой и еще зеленой травой. Но и мотоциклы стояли между этими цыганскими бричками, и даже несколько «Москвичей» и «Побед» затесалось между ними. И этого оказалось достаточно, чтобы к чистому конскому запаху, к аромату травы и овражной сырости уже примешалась какая-то едкая горечь.

Теперь только начал догадываться Будулай, что он, кажется, на большой цыганский совет попал, подобный тому, какие ему приходилось видеть в детстве. Обычно тогда со всей окружной степи съезжались цыгане в одно место, чтобы посовещаться и решить, как им дальше жить: как получше приспособиться к обстоятельствам быстро меняющегося времени и успешнее уходить от его законов. И помнилось Будулаю, как тогда его родители, собираясь на этот совет, и сами одевались во все наилучшее и детей своих, несмотря на нищету, одевали так, чтобы их не стыдно было показать своим близким и дальним родичам. Бывало, еще за месяц и за два месяца мать, шныряявшая по вокзалам, по базарам и дворам, начинала брать с людей в оплату за свое гадание не деньгами, а детскими платьицами, штанишками и обувкой и потом кроила и перешивала все это у костра перед шатром до поздней ночи. В то время как отец перековывал лошадей, выделывал шкуры, выкраивал и шил из них седла, уздечки и прочую сбрую. И откармливать своих лошадей он начинал чуть не за полгода до этого, купал и чистил их скребницей так, что шкура у них начинала лосниться, а гривы и хвосты хоть косами заплетай. Чем же еще и похвалиться было цыгану перед своими соплеменниками, если не лошадьми!

И, вероятно, какая-то важная теперь причина собрала всех этих цыган и цыганок в овраге, потому что никто ведь не отменял и тот строжайший указ, по которому с некоторых пор запрещалось им кочевать с места на место, раскидывать в степи свои полотняные таборы. Но к самому началу этого совета Будулай, судя по всему, уже опоздал. Он сразу же догадался об этом, как только, мимолетно оглянувшись на его мотоцикл, сердито прицыкнули на него самые крайние из толпы цыган, сбившихся вокруг одного места посредине оврага. Как догадался и по всеобщему молчанию, сохраняемому этими цыганами и цыганками, которых в иное время никакая причина не смогла бы заставить соблюдать такую тишину.

При этом лишь одному-единственному голосу и позволено было безнаказанно нарушать ее в овраге, хотя это был и не мужской голос. Между тем в памяти Будулая сохранилось, что по всем обычаям в подобных случаях им мог быть только мужской голос. И не какой-нибудь молодой, только набирающий силу, а безоговорочно властный и привычный к тому, чтобы говорил он один, в то время как все другие цыгане слушали его молча. Потому что и старейшиной у большого *ягори* мог быть только самый старый цыган. Не говоря уже о том, что цыганкам не позволялось присутствовать на этом совете и они могли лишь издали прислушиваться к доносившимся до них оттуда словам и украдкой выглядывать из-под шатров на то, как мечутся языки пламени над большим костром, выхватывая из ночной мглы суровые лица их мужей, отцов и дедов.

Так, значит, неумолимое время внесло свои изменения и в этот железный обычай, потому что тот единственный голос, который услышал Будулай, был, несомненно, женский. Серебристая «Волга» с распахнутыми на две стороны дверцами, должно быть, та самая, о которой сообщил Будулаю его провожатый, стояла посредине оврага в тесном окружении толпы цыган и цыганок, а возле нее стояла тоже цыганка. Но только совсем не такая, как все остальные. Не с темнокожим или медно-красным, прежде времени состарившимся лицом, а с не тронутым ни степным солнцем, ни ветром розово-белым, лишь слегка притененным дымчатыми круглыми очками. И одетая не так, как все другие цыганки в овраге: не в широчайшую *думалы* и добрую дюжину столь же просторных *индарак*, под которыми при необходимости можно было укрыть от постороннего глаза и всю дневную выручку, добытую с помощью колоды карт и всеми иными путями, а в городской модный костюм белого цвета. И так же, как у всех цветущих молодых женщин, живущих в городе в достатке, круглые, белые коленки сверкали из-под подола ее короткой юбки, в то время как все эти цыганки, обступившие ее, мели подолами своих юбок землю.

Несомненно, это и была та самая Тамила, о которой Будулай впервые услышал от своего неожиданного провожатого. И это ей, женщине, одной не возбранялось теперь говорить перед всеми другими цыганами у большого ягори в то время, как они должны были только слушать то, что говорила она, поставив ногу в туфельке с точеным каблучком на буфер своей «Волги».

Тем не менее они, не перебивая, слушали то, что она говорила им. Несмотря даже на то, что говорила она почему-то не по-цыгански, а по-русски.

— Вы меня уже, слава богу, знаете не первый год,— говорила она,— и уже должны знать, что я всегда стараюсь не только для своей, но и для вашей же пользы.

Как видно, приехала сюда эта Тамила на своей «Волге» не одна. Два смуглых, спортивного вида молодца с пушистыми смуглыми усиками стояли по правую и по левую руку от нее в одинаковых черных кожаных куртках, наглухо, до горла, застегнутых на змейки, как два ангела-хранителя, и, поворачивая из стороны

Продолжение. «См. «Огонек» №№ 5—9.

в сторону головы, бдительно рыскали глазами по оврагу.

И, судя по всему, эта городская цыганка умела заставить себя слушать. Что-то даже похожее на жалость к своим соплеменникам шевельнулось в груди у Будулая, когда он, окидывая скользящим взглядом с седла своего мотоцикла толпу цыган, увидел, как они, запрокинув головы, ловили каждое ее слово. Чье-то мужское лицо с приоткрывшимся под рыжими усами ртом на мгновение показалось взору Будулая смутно знакомым, а неподалеку зацепился он взглядом за клюку какой-то старой цыганки, надетую ею на плечо, но тут же, не задерживаясь, и скользнул дальше, к Тамиле, чтобы ничего не пропустить из того, что она говорила цыганам.

— Разве это тогда не я говорила вам, что не на буравчиках лучше всего можно заработать и не на краденых колхозных лошадях, которых надо было хорошо кормить, чтобы потом сдать на колбасу в «Заготскот», а на узких мужских галстуках и на золотых дамских поясах, пока кооперация еще не догадалась завести их в деревню из больших городов, а у молодых русских дурочек и дурачков еще не прошла на них мода. Но теперь и они уже вышли из моды.

В ответ на ее поощрительно выжидающую улыбку над оврагом всплеснулся рой выкриков:

— Теперь этих галстуков и поясов в каждом сельпо навалом!

— То совсем не было, а то на три года завезли!

— С одним пояском надо по целому дню по степи шнырять!

— Хоть уздечки из них шей!

— Молодые давно по полдюжине набрали, а какие постарше казачки, привыкли каждую лишнюю копейку на книжки класть.

Вот теперь Будулай, кажется, понял, какая причина могла собрать вместе сразу столько цыган в этом овраге, укрытом зелеными волнами шиповника от чужих взоров. И та, которая созвала их на этот совет, сейчас со снисходительной улыбкой слушала их возбужденный гомон, терпеливо ожидая, когда они выплеснутся до конца. Когда же они наконец то ли выплеснулись, то ли замолчали, обезоруженные ее улыбкой, она, улыбнувшись им еще дружелюбнее, сказала:

— Вот я и приехала посоветоваться с вами, с каким новым товаром нам теперь лучше будет по станицам и хуторам этих скупых казачек подоить, чтобы и у вас, цыгане, всегда свободная копейка была, и для того, чтобы вы могли одеть-накормить ваших детишек.

Если она рассчитывала на встречное сочувствие к ее словам той части цыганской толпы, которую еще не подхватило первой волной криков, то не ошиблась. Первыми, как по команде, оценили ее остроумие ее адъютанты, обнажая из-под стрелочек своих усиков ослепительно белые зубы, а вслед за этим и по всей толпе, обступившей «Волгу», прокатился гул мужских голосов:

— К ним хоть с какого бока заходи.

— Их можно подоить.

— Казáчки, они здоровые.

— После войны они опять выкормились на колхозных хлебах.

Но тут вдруг как будто щелкнул над оврагом большой цыганский кнут или упал с безоблачного неба раскат грома:

— А на какие же тогда деньги эти казачки смогут накормить и одеть своих детей?

Ни на секунду не задержав своего внимания на этих словах, Тамила небрежно ответила:

— Это уже не наша печаль. Каждому своя рубашка ближе. Пусть они о своих детях думают, а мы должны думать, чтобы цыганским детям было лучше.

Но ее адъютанты при этом единственном голосе, осмелившемся прервать ее, явно забеспокоились, забегали по-рысьи глазами по оврагу, обшаривая толпу, а кисточки их усов зашевелились, как усики радиоантенн, настраиваясь на ту волну, откуда мог раздаться этот голос.

— Не все то лучше, что лучше.

И тут Будулай увидел, как знакомая клюка высунулась в его сторону из цыганской толпы.

— Вот это верно.

Что-то как будто лязгнуло за ушами у Тамилы.

— Здесь есть чужой.

Тотчас же ее адъютанты так и напряглись. Даже усики у них встали торчком, запрядав из стороны в сторону. Весь овраг в движение пришел. Из-за всех повозок вынырнули цыгане и цыганки, рыская по оврагу, струясь и распадаясь на ручейки, и вскоре плотное живое кольцо замкнулось вокруг мотоцикла Будулая. Сутулясь в седельце, он чуть возвышался над всеми, как беркут.

— Кто тебя сюда звал? — издали спросила у него Тамила.

— Никто не звал,— ответил Будулай.

С властной деловитостью она приказала адъютантам:

— Присмотрите, чтобы он отсюда не ускользнул. Если он уйдет, он нас всех продаст.

Тут же Будулай и смог оценить, как по-военному четко исполняются ее команды. Немедленно молодцы в кожаных куртках попрыгали с бугорка, на котором стояла посредине оврага «Волга», и заняли посты: один впереди, а другой позади мотоцикла Будулая. И все остальные цыгане еще теснее сдвинулись вокруг него. Все совершалось почти по правилам военного искусства.

И, похоже, выхода из этого молчаливого кольца не было. Ему ли было не знать своего народа, столь же простосердечно наивного, сколь и непреклонно беспощадного, когда кто-нибудь непрошено вторгался в пределы его жизни.

Какая-то древняя цыганская старуха, заглядывая снизу вверх в лицо Будулая, приподняла его подбородок крючком своей отполированной клюки и разочарованно сказала:

— Какой же это чужой? Это Будулай.

Тогда вдруг неизвестно откуда вынырнула рядом с мотоциклом Шелоро и тоже радостно закричала так, что ее голосу стало тесно в овраге:

— Пусть меня гром разразит, это он! Егор, где ты, это же Будулай! Здравствуй, Будулай.— И она заквохтала вокруг него, всплескивая руками, донельзя счастливая этой встречей, как если бы внезапно встретилась со своим родным, безвестно пропавшим братом или же с кем-нибудь, кто был ей еще роднее.— Егор, где же ты? Это он!

Вынырнувший из-за повозки Егор, узнав Будулая, тоже осклабился ему из-под своих жиденьких рыжих усов, как лучшему другу, не забыв шмыгнуть за голенищем сапога кнутовищем:

— Здравствуй, Будулай!

— Какой же это чужой,— громко ликовала Шелоро,— если это Будулай?!

Ее торжествующие крики прервал презрительный окрик Тамилы:

— Перестань визжать на всю степь! Как будто тут, кроме тебя, все слепые.

Нет, эта Тамила была явно не из тех цыганок, что в городах на базарах, на вокзалах и на тротуарах у магазинов сметают подолами с асфальта пыль. Недаром же не трехъярусные индараки складками ниспадали по ее ногам к земле, а голые круглые коленки смугло розовели из-под короткой юбки ее сшитого по новейшей моде костюма. Но свои дымчатые очки она тут же сняла, как будто они мешали ей получше рассмотреть Будулая, и, спустившись от «Волги» к его мотоциклу, с нескрываемым любопытством сказала:

— Так это ты и есть? Я по цыганскому радио давно уже слышала о тебе, Будулай.

Клюка старой цыганки, подпиравшая подбородок Будулаю, мешала ему говорить, и он отвел ее рукой в сторону.

— А я ни разу не слышал о тебе.

Тамила воркующе засмеялась.

— Вот и познакомились. Но все-таки я не думала, что ты такой идейный цыган. Да мало ли еще о чем наше цыганское радио может набрехать? — И, покончив с осмотром Будулая, обойдя его мотоцикл, она снова надела свои очки.— Но даже если ты так и есть тот самый Будулай, то почему же ты разжалобился из-за русских детей, как будто тебе мало цыганских?

— Потому что все дети есть дети,— сказал Будулай.

— Правильно,— согласилась Тамила.— Но что-то мне не приходилось до сих пор знать, чтобы эти твои казачки вот так же побеспокоились о наших детях. Как будто все они давно уже и накормлены и одеты, как все другие дети.

И сразу же после этих слов вокруг Будулая поднялся враждебный ропот, цыганки замахали руками.

— Наших некому жалеть!

— Сами должны кусок хлеба добывать!

— Над ними только смеяться можно!

— Все дети как дети, а цыганские хуже щенков!

— Это он так говорит, потому что у него своих нет детей!

При этих словах вдруг что-то как будто толкнуло Будулая куда-то под лопатку, в спину. Он даже качнулся на седле мотоцикла вперед и сам не мог понять, как у него вырвалось:

— Есть.

Почти совсем беззвучно вырвалось — так, что большинство цыган, даже самые ближние к нему, и не расслышали его слов, не исключая Тамилы, на ярко накрашенных губах у которой играла небрежная улыбка. Но у Шелоро Романовой, кроме безошибочно острого слуха, был еще и безошибочно острый глаз. То, чего она недослышала у Будулая, она тут же своим цепким взглядом схватила с его губ, и высокие крылья бровей у нее вспорхнули в непритворном изумлении еще выше.

— Что-то я никогда на конезаводе не слышала от тебя, Будулай, чтобы у тебя были дети. И Настя говорила, будто твою жену Галю с младенцем на руках задавило немецкой танкой.

Много голосов с разных сторон наперебой подхватили ее слова:

— Это по-за станицей Раздорской!

— Там и цыганская могилка есть.

— Была, а сейчас уже нету.

— Его Галя теперь в братской могиле лежит.

И негодование соплеменников обрушилось на Будулая с удвоенной силой:

— Хоть бы на память о покойнице помолчал!

— За ради своей агитации и ее не пожалел!

— А еще говорили: из всех честный цыган!

Слишком хорошо знал своих соплеменников Будулай, чтобы не сомневаться, что теперь уже их хватит надолго. И пока они не перебурлят, не выкипят в этом овраге до дна, нечего было и надеяться, чтобы они захотели слушать его дальше. Только Тамила, с полупрезрительной улыбкой наблюдавшая за происходящим, не сочла для себя нужным добавлять в этот котел свою долю, а ее адъютанты с ленивым выжиданием полуоблокотились с двух сторон от нее о крылья «Волги», ничуть не сомневаясь в конечном исходе развертывающихся перед ними событий. На какое-то мгновение Будулай встретился со взглядом Тамилы, и они поняли друг друга. С нарочитым равнодушием она отвела свой взгляд в сторону. Теперь ей уже незачем было добавлять свое масло в кипящий котел, когда со всем этим с успехом могли справиться другие цыгане. Та же Шелоро, которая с тем большим негодованием набрасывалась теперь на Будулая, что искренне считала себя обманутой им в своих лучших чувствах:

— Что-то я сегодня совсем не угадываю тебя, Будулай. Ты или совсем запутался, или...

И Егор, ее неотступная тень, с явным разочарованием шмыгнул кнутом за голенищем сапога:

— Да, нехорошо у тебя получилось, Будулай. Совсем плохо.

Тем теснее сдвигались вокруг Будулая и все другие цыгане, для которых он и вообще был не просто чужой цыган, а чужак, переступивший за черту круга их жизни, всегда ревниво оберегаемой ими от чужих взоров. И они видели в этом опасность для себя, которую теперь можно было предотвратить лишь единственным способом, уже подсказанным Тамилой: не дать ему уйти обратно из этого круга. В том же, что они ничуть не сомневаются в своем праве на это, Будулай был уверен: он знал свое племя.

Лишь одна его мимолетно знакомая старуха с клюкой смотрела теперь на него из толпы не враждебным, а скорее недоверчивым взглядом.

— Может быть, я и запутался, Шелоро, но Галю мою правда тогда задавило танком, а сына — нет.

Шелоро быстро спросила:

— Где же он?

Вот теперь наверняка не должно было обойтись и без вмешательства Тамилы. Небрежным движением руки она опять сняла свои круглые очки, покачивая их за дужку, а ее телохранители, отваливаясь от крыльев «Волги», сделали стойки.

— Может быть, ты не откажешь и нам об этом рассказать, Будулай?

С седла мотоцикла он окинул толпу цыганок и цыган медленным взглядом. Он хорошо видел, что из этого живого кольца ему уже не уйти. И он также знал, что их угрюмое молчание ничего хорошего не обещает ему.

Шелоро с язвительной вкрадчивостью подхватила слова Тамилы:

— Да, да, а нам будет интересно тебя послушать. Я смерть как люблю разные истории слушать. Правда, Егор?

Егор шаркнул кнутом.

Что ж, может быть, и в самом деле настало для этого время... Слишком долго Будулай невысказанно носил все это в себе, эта ноша уже гнет его к земле, и то ли некому было передать кому-нибудь хотя бы часть ее, то ли он сам же все время и укрощал себя. А теперь глаза своих же цыган с беспощадной требовательностью смотрят на него, выворачивая душу.

Вверху над оврагом проносились по дороге машины, но оттуда из-за дремучего шиповника ни за что нельзя было догадаться, что здесь овраг. Адъютанты Тамилы, собиравшие на этот пленум из окружной степи цыган, знали свое дело.

Второй раз за это время что-то жесткое он почувствовал у себя на горле. Старая цыганка опять пустила в ход свою крючковатую палку, поднимая его подбородок и с настойчивой ласковостью заглядывая ему в лицо.

— Теперь уже, Будулай, тебе придется рассказать все до конца.

Вот этого она могла бы и не говорить ему. Если начинать, то только до конца.

Но клюка этой старухи, подпирая подбородок Будулая, прихватывала ему горло, и ему пришлось — тоже второй раз за это время — отвести ее рукой в сторону.

* * *

В хуторе Вербном привыкли уже, что время от времени, чаще весной или осенью, на большую братскую могилу у Дона приезжают из разных мест разные люди—родственники тех, кого некогда настигла в этих местах смерть. И обычно жители, проходившие мимо могилы по своим делам, старались нечаянно не спугнуть одиночества этих людей, все еще скорбящих по своим сыновьям, мужьям и отцам. Никто и теперь из проходивших мимо хуторских жителей не потревожил эту явно нездешнюю молодую женщину, которая, как только пришла сюда еще совсем ранним утром, села на суглинистом откосе, так и застыла, положив на колени руки. Вода, нагоняемая на берег низовкой, плескалась у ее ног, и ветер трепал ее черные волосы. Из-за острова солнце давно уже перекочевало через Дон и прицеливалось уже к тому проему между горбами нависших над хутором бугров, куда оно всегда уходило на ночь, а эта женщина так и сидела все на том же месте. Только перед самым вечером она вдруг очнулась и провела рукой по глазам, вставая.

За своими горестными размышлениями на могиле у сестры Настя и не заметила, как день прошел. А ведь ей до возвращения Михаила еще надо было успеть и то письмо вернуть, которое ему так и не удалось вручить Будулаю.

Когда Настя увидела, как открывшая ей дверь Клавдия изменилась в лице и страх заметался у нее в глазах, она поспешила предупредить ее, сунув руку за вырез платья:

— Ты не бойся, я ни с чем плохим не приехала к тебе. Просто мне нужно тебе отдать твое же письмо.

Вот они наконец и встретились лицом к лицу, хотя за это время и многое уже успели узнать друг о друге. Но если Клавдия все-таки уже видела Настю, пусть издалека, то Насте теперь довелось увидеть ее впервые. И с внезапно уколовшей ее сердце ревностью Настя отметила про себя: она была еще моложе, чем Настя думала, и вообще собой лучше. А это бордовое платье с белым кружевным воротничком особенно шло к ней.

— Что же ты на пороге стоишь? Входи,— сторонясь и пропуская Настю в дом, сказала Клавдия.

Уже в доме, отдавая ей замасленный пальцами Михаила конверт, Настя решила объяснить ей:

— Только ты не подумай, что письмо не попало к нему из-за меня. Он уже давно уехал с конезавода, и его не смогли найти.

— А я уже и ждать перестала,— с нескрываемой радостью сказала Клавдия.

Теперь и она могла вблизи как следует рассмотреть ту, которую до этого только издали видела в клубе на конезаводе и потом у цыганского костра в степи. Но и к клубу эта молодая цыганка подъехала тогда на мотоцикле в мужских штанах, из-за которых ее не сразу можно было и за женщину признать, и с того кургана, на котором лежала ночью Клавдия, ее нельзя было как следует разглядеть, неуловимо скользящую вокруг Будулая при полусвете костра в своем, тоже неуловимо вьющемся вокруг нее, как дым, цыганском платье. Теперь же перед взором Клавдии была совсем другая, молодая и красивая женщина в широко сшитом полусарафане-полуплатье с оборками, из-за которых не сразу можно было и догадаться, что она уже ждет ребенка. Но ни

единого пока пятнышка не заметила Клавдия на ее не по-цыгански белом лице.

— Я бы на твоем месте никогда его не перестала ждать,— сказала Настя.

И тут вдруг как знакомый отблеск скользнул по лицу Насти, и Клавдии даже показалось, что она опять отчетливо услышала: «Ненавижу ее». Взглядывая на живот Насти и сама брезгуя своими словами, Клавдия сказала:

— Об этом тебе уже поздно думать.

Настя улыбнулась.

— А он, оказывается, не так хорошо тебя знал.

Испуг и раскаяние, смешавшись, залили лицо Клавдии краской такого стыда, какого она, может быть, еще никогда не испытывала в жизни. Ей пришлось наклонить голову и, смаргивая слезы, переждать, прежде чем ответить Насте:

— Если сможешь, то, пожалуйста, прости меня. Я и сама не знаю, что это сейчас со мной.

Тут же она с удивлением подняла голову, не услышав в словах Насти ожидаемого торжества.

— Не будем сейчас считаться, кто перед кем больше виноват. Я вон и это твое письмо не стерпела прочитать.

И после этих слов вдруг будто какая-то невидимая перегородка, разделявшая их, рухнула, упала, и им обеим сразу стало легко и — проще смотреть в глаза друг другу. Клавдия вспомнила о своих обязанностях хозяйки.

— Что же ты стоишь? — сказала она, подвигая стул Насте.— Сейчас я на стол соберу.

— Нет, ничего не нужно,— отказалась Настя, хотя с самого раннего утра у нее маковой росинки не было во рту.— Мне долго рассиживаться нельзя.— Но на стул, подвинутый к ней Клавдией, она села.

— А куда же он уехал? — будто издалека услышала она обращенный к ней вопрос Клавдии.

— Вот этого я тебе не смогу сказать. Я и сама не знаю,— сказала Настя.

В окна дома, выходившие во двор, ей видно было, как солнечный диск уже начинает соскальзывать за нависшую над хутором гору. Если Михаил еще не вернулся со станции Артем с грузом, то скоро уже должен будет подъехать и ждать ее там, в степи. Но и не могла же она уйти из этого дома, так ничего и не узнав о том, кто сперва был сыном ее родной сестры, а потом стал сыном этой женщины. И спросить у нее об этом Насте было не так-то просто. Наконец с нарочитой небрежностью она, как бы мимолетно, спросила у нее:

— А что Ваня, все еще при тебе живет или уже учится где-нибудь?

— Учится,— отвечала Клавдия. Но и солгать под ее взглядом она не смогла.— Но сейчас у них тут военные учения, и он дома.

Ее смятение при Настином вопросе было столь явно, что не надо было догадываться о причине его, и Настя заискивающе сказала:

— Мне ничего другого не нужно, как только взглянуть на него. Если, конечно, ты разрешишь. Все-таки и мне он не совсем чужой.

Ответные слова Клавдии прошелестели чуть слышно:

— Он сегодня обещал приехать раньше. Ты подожди чуток.

И все-таки, когда вскоре прошуршала на улице под окнами машина и простонали тормоза, смятение опять отразилось на лице у нее с такой силой, что Насте пришлось еще раз сердитой скороговоркой напомнить:

— Я ведь уже сказала, что бояться тебе нечего. Ничего я ему не собираюсь говорить, а хочу только посмотреть на него.

Еще не успела после этих ее слов погаснуть на губах у Клавдии виновато-жалкая улыбка благодарности, как тяжелые шаги послышались на крыльце и открылась дверь.

— А вот и мы,— весело сказал молодой ломкий голос.

Вот и еще раз за этот день сердце у Насти вдруг подкатилось к самому горлу. Если бы не готовила она себя к этой встрече, она все равно бы сразу безошибочно сказала, что этот черноглазый молодой военный, который, переступая через порог в комнату, пропустил впереди себя другого, пожилого военного, и есть Ваня. Ей достаточно было только встретиться с его глазами.

Тут и Клавдия суетливо бросилась знакомить их.

— Это и есть Ваня, мой сын, а это...— Она с трудом справлялась с собой, слова ее рвались в клочья: — Это...

Насте невыносимо стало и дальше смотреть на нее, слушая, как она комкает слова под удивленным взглядом этого другого, пожилого военного, и она поспешила закончить за Клавдию:

— ...сестра той цыганки, которая тут у вас в братской могиле лежит.

— Здравствуйте.— Сверху вниз Ваня внимательно заглянул в лицо Насте и тут же спросил у нее: — А случайно с этим Будулаем, ну, с ее мужем, вам не приходилось встречаться где-нибудь?

Взгляд Клавдии, устремленный на Настю, был так тревожно-зыбок, что она тут же с преувеличенной твердостью ответила ему:

— Нет, не приходилось.

— Жаль,— с небрежностью в голосе сказал Ваня и, поворачиваясь к Клавдии, поинтересовался у нее: — Там, мама, у тебя нет чего-нибудь такого поесть, чтобы не слишком долго ждать? Мы с Андреем Николаевичем еще и на ночь за Дон поедем.

Если бы не эта небрежность в голосе у Вани, резанувшая слух Насти, она наверняка не стала бы переспрашивать у него, в то время как Клавдия ринулась к коробу и к посудной полке, меча на стол кастрюли и тарелки.

— Почему же тебе жаль, Ваня?

Громыхая рукомойником, он полуобернул к ней голову, явно удивленный тем, что ей, совсем незнакомой женщине, вздумалось продолжить этот разговор, и, тщательно вытирая руки полотенцем, ответил:

— Потому что тогда я хоть бы с вами мог передать этому Будулаю то, что мне давно уже надо было ему сказать.

То ли эта небрежность в голосе, то ли еще что-то другое подсказывало Насте, что не надо бы ей и дальше продолжать этот разговор. Все же она не могла удержаться:

— Но, может быть, мне и доведется еще когда-нибудь повидать его.

Михаил, конечно, давно уже поджидал ее в степи на горе, высунув из кабины свой чуб, но теперь уже Настя не стала отказываться, когда Клавдия поставила и перед ней на стол тарелку с борщом. Теперь они все вчетвером сидели в комнате за столом: Настя — против Вани, а Клавдия — против этого второго, немолодого военного, приехавшего с Ваней на машине. Сев за стол, он тут же и склонился над своей тарелкой, поставленной перед ним Клавдией, в то время как Ваня, медленно помешивая в тарелке ложкой борщ, отвечал Насте:

— В таком случае вы не забудьте передать ему, что у нас здесь кое-кто еще помнит его цыганские сказки. И то, как он хвалился, что уже навсегда нахватался ноздрями этого кочевого ветра, и еще кое-что.

Нет, он, конечно, не только своими глазами так напоминал сейчас Насте того, о ком все это говорил, но и звуком своего голоса: как будто какой-то ком навсегда остановился у него в горле. И еще чем-то, особенно когда он этой презрительной улыбкой пытался подкрепить свои слова, но она не удавалась ему, и лицо его оставалось все таким же юношески добрым.

— Этого я ему не стану передавать,— сказала Настя.

Ложка остановилась в руке у Вани, и он поднял от тарелки глаза:

— Почему?

— Потому что этот Будулай,— в тон ему сказала Настя,— никогда не хвалится и вообще не умеет рассказывать сказки.

При этом на Клавдию она избегала смотреть.

Не смотрела и Клавдия на нее, а смотрела на Ваню. Но он или не замечал устремленного на него взгляда матери, или же не хотел замечать. Последнее время стоило лишь нечаянно напомнить ему о том, о чем теперь напомнило ему появление у них в доме Насти, как его уже невозможно было остановить. Как будто бес вселялся в него. И не его надо было за это винить. Это, конечно, она, только она одна виновата во всем. И теперь она расплачивается за все это тем, что должна молча слушать из его уст эти жестокие слова, произносимые им с тем большей настойчивостью, чем настойчивее просил его замолчать умоляющий взгляд матери. И не было здесь Нюры, задержавшейся на птичнике, которая одна могла бы удержать его от этих слов.

— Вам, конечно, и как цыганке и как его родственнице, положено его защищать, но и нам тут кое-что может быть известно о нем. Лично из меня, например, он даже пытался здесь в нашей кузне тоже кузнеца сделать.

Он говорил, а Настя смотрела на него через стол, не столько вслушиваясь в смысл его слов, сколько все больше сравнивая и поражаясь: одно лицо. Теперь уже и полковник, Ванин начальник, подняв от тарелки свою пересыпанную солью седины голову, с удивлением смотрел на него.

От Дона, из открытых на хуторскую улицу окон доносились голоса ребятишек, весело плескавшихся в воде у подножия братской могилы.

Продолжение следует.

СОДРУЖЕСТВО

Борис Горбатов в гостях у компрессорцев.

Артисты Малого театра всегда были желанными гостями рабочих московского завода «Компрессор». А народный артист СССР Виктор Хохряков стал даже почетным членом одной из лучших комсомольско-молодежных бригад завода...

На днях в литейном цехе компрессорцев вновь побывал и заслуженный артист РСФСР Борис Горбатов.

В обеденный перерыв на импровизированную сцену поднимались руководители цеха и рабочие, горячо приветствовали артиста, говорили о своих достижениях, о планах на этот год и о том большом значении, которое они придают расширяющейся и крепнущей дружбе с артистами Малого театра.

Поздравляя Бориса Федоровича Горбатова со знаменательным днем в его жизни — вступлением в трудовую семью литейщиков, кадровый производственник цеха Александр Прокофьевич Максимов под горячие аплодисменты присутствующих вручил ему рабочую путевку, заводской пропуск, значок «Компрессора» и спецовку.

— Ваш завод, на котором мне посчастливилось не раз выступать, давно мне дорог,— сказал Б. Горбатов.— Теперь он мне дорог вдвойне. Я стал членом его большой семьи. И я сделаю все от меня зависящее, чтобы наша дружба крепла.

Ю. ИГНАТОВ,
фото М. Савина.

ПОЭЗИЯ – ДОБРО

Танзиля ЗУМАКУЛОВА

ЧИТАЯ ПУШКИНА...

Ты пушкинские строки мне читал —
«Я вас любил: любовь еще, быть может...»
Стихотворенье выше всех похвал,
Но тихий голос в сердце прошептал:
«Нет! Пусть любовь твоя меня тревожит!»
А если и тебе моя любовь
Несет страдание — прости, любимый!
Не осуждай любовь, не прекословь:
Покой и пламень чувств несовместимы.
По мне, уж лучше мука, чем покой!
Мысль Пушкина рассудком постигая
И упиваясь дивною строкой,
Я все же не хочу, чтобы другая
Тебя любила с нежностью такой!
Нет, пред собой душой не покривлю:
Со мной одной дели свою тревогу!..
Так просто я тебя не уступлю!..
Но, верь я в бога, воззвала бы к богу:
Люби его, творец, как я люблю!

Перевела с балкарского Ю. НЕЙМАН.

СТАРОЕ ДЕРЕВО

Не раз ты белым цветом зацветало,
Лишь наступала буйная весна,
И осенью не раз наряд меняло,
Не раз роняло в землю семена.

Ты чтило землю, что тебя питала,
И солнцу не жалело ты хвалы.
Ты от невзгод и бурь оберегало
Вокруг тебя шумевшие стволы.

Не гнулось ты порой от ветров вьюжных,
А ныне, потеряв былой покров,
Дрожишь от шепота ветвей окружных,
От дуновенья южных ветерков.

И тоненькие деревца в цветенье,
Шумящие вокруг во цвете лет,
Ты силишься закрыть своею тенью,
Как раз тогда, когда им нужен свет.

Вот ты скрипишь и ропщешь, все утратя,
И в этом скрипе твоего ствола —
Не примиренье с миром, а проклятье
Всему за то, что жизнь твоя прошла,

Что не вернется бывшее когда-то
И что с тобою вместе не умрет
Все сущее, все, чем земля богата,
Что ныне плодоносит и цветет.

Ужель, о старость, под твоей пятою
Все, что скрипит, ломаясь на ветру,
Утрачивает вместе с красотою
Способность к состраданью и добру?

А дерево, твердя проклятья злые,
Воздев, как руки, ветви неживые,
Стоит, и птицы не кружат над ним.
Мы любовались им в года былые,
Теперь, жалея, прочь пройти спешим.

И если тоже старою и злою
Жить, ненавидя, суждено мне впредь,
Не лучше ль было б молодою
Мне от удара молнии сгореть?

* * *

Один поток то буен, то степенен,
Со снегом вместе дождь идет подчас.
Земля нас дарит сменою явлений,
То холодя, то согревая нас.

С колючкой роза меж листвы зеленой
И даже смерть, хоть далека она,
Мы обретаем в час определенный
На той земле, где нам и жизнь дана.

ПОЭЗИЯ

Убоги без певцов поминки и пиры.
На свете свой певец есть у любой горы.

Есть у любой земли и у реки любой
Искусный свой певец, не хуже нас с тобой.

О нет, я у тебя, любимый мой шаир,
Не удивлять учусь своею песней мир.

Я у тебя учусь, чтобы самой мне впредь
Ко страждущим прийти и слезы утереть.

Как ты, хочу уметь упавшего поднять,
Дать жаждущему пить, слепому руку дать.

Учусь я у тебя: чтобы достало сил
Простить того, кто сам печаль мне причинил.

Стихи не только то, что знают наизусть.
Поэзия — добро, и я добру учусь.

Поэзия, она не в звуках, не в словах.
И если в сердце зло, нет песни на устах.

Перевел с балкарского
Н. ГРЕБНЕВ.

Эди ОГНЕЦВЕТ

СЛЕД

* * *

С утра до самой темноты
Смотреть без устали готова
На лес, кустарник, луг и снова
На луг, на поле, на кусты.

Смотреть на светлую тропинку,
Где первым лег отцовский след,
И на далекую рябинку:
Мне без нее и свет не свет.

* * *

В почву, напоенную снегами,
Солнышком прогретую, весной
Высадили клубень.
Над полями
Тучи шли — поили их дождями,
Заслоняли, как ладонью, в зной.

Подремала под землей картошка,
Приоткрыла сонные глазки,
После поднатужилась немножко —
И на волю, к солнцу, к лунным рожкам
Потянулись дружные ростки.

Под землей работа закипела:
Там картошка спорая росла,
Не по дням, а по часам тучнела,
И ботва над нею зеленела
И цветком сиреневым цвела.

Праздниками завершились будни:
Горы клубней извлекли на свет,
Каждый, будто бык рогатый, буйный!
Лучше нашей белорусской бульбы
В целом свете не было и нет!

Из золы достанешь в поле сонном —
Не продержишь долго в кулаке,
Пахнущую дымом, в подпаленном,
Рыжевато-сером кожушке.

Перевел с белорусского
Федор ЕФИМОВ.

МИША КАМИНСКИЙ

Хата. А в хате — звоночки смеха.
Шаг твой первый — маме утеха.
Был человеку один год.
Был человеку год!
Что он изведал, светлоголовый?
Первые два нехитрые слова,
Первую песню,
Мамину ласку,
Мамину сказку.
Миша Каминский,
Мальчик хатынский.

Пепел вместо ладоней ребячьих...
Ветер над темными трубами плачет.
Это не ветер.
Это над пеплом
Сердце мое
от рыданий ослепло.
Над черными трубами,
над печами —
Колокола неизбывной печали...

О, прогремите вселенским набатом:
Был человечеству сыном и братом

Миша Каминский,
Мальчик хатынский!

Наш синеглазый простой василек —
Милой земли белорусской цветок!

Ручонки, простертые из огня,
Взывают к людям: — Спасите меня!
Сквозь шорохи буден,
сквозь грохот событий
Мне крик этот слышен:
— Спасите, спасите!
От атомной бомбы, от плазмы напалма
Спаси меня, мама!
Бегать хочу по лугам зеленым,
Жить хочу по своим законам,

Законам солнца,
детства,
весны...
Люди, спасите детей от войны!
Убитый,
я говорить научился,

Тонкой травинкой
сквозь пепел пробился...
Был человеку один год.
Был человеку год!
Слышите
вечный набатный звон?
Это восстал над землею он —
Миша Каминский,
Мальчик хатынский!

Перевел с белорусского
Наум КИСЛИК.

ГЕРОЯМ «МАЛОЙ ЗЕМЛИ»

К рождению нового документального киноочерка «Возвращение с войны»[1], только что вышедшего на экраны страны, причастен и «Огонек». Несколько лет назад журнал рассказал о том, как в грозовом 1943 году, в период боев у Новороссийска, в десант на легендарную «Малую землю» включались не только бойцы, но и художники. В короткие перерывы между атаками, примостившись где-нибудь в затишке на снарядном ящике, писал фронтовой художник портреты воинов-героев...

И вот теперь оживают они на киноэкране — портреты тех, кто шел в атаку. Фронтовая кинохроника сберегла для нас удивительный эпизод: «вернисаж» на «Малой земле», в самый разгар боев, прославивших навеки сражавшуюся в Причерноморье 18-ю армию.

Режиссер широкоэкранного очерка Николай Беспалов, работая над картиной, собрал ветеранов и через тридцать лет — на мемориале «Малая земля» — показал им фронтовые рисунки, портреты, этюды, сделанные в 1943 году...

Кинозритель видит, как женщина, спасшая тяжелораненого летчика, теперь, через тридцать лет, нашла его, человека, навсегда, казалось, затерявшегося в ту нелегкую военную пору...

Нельзя оставаться равнодушным, когда видишь седовласых ветеранов, всматривающихся в портреты побратимов-фронтовиков, навеки оставшихся такими же молодыми, красивыми...

Вместе с десантниками на «Малой земле» воевал ныне здравствующий художник Павел Яковлевич Кирпичев. В фильме мы знакомимся не только с его работами времен войны, но и с его документом, где говорится следующее:

«Предъявитель настоящего удостоверения художник лейтенант товарищ Кирпичев работает по заданию ГлавПУРККА. Зам. ком. и начполитотделов предлагается оказывать помощь и содействие в создании условий для его работы...»

Подписано удостоверение начальником политотдела 18-й армии полковником Л. Брежневым.

В фильм включены и кадры, снятые в наши дни: Леонид Ильич Брежнев встречается со своими фронтовыми побратимами, ветеранами боев за город-герой Новороссийск.

Картина оставляет глубокое впечатление, вписывая еще одну яркую строку в кинолетопись незабываемых дней.

В. НЕСТЕРЕНКО,
старший лейтенант запаса,

Ростов-на-Дону.

[1] Автор сценария В. Степанов. Режиссер Н. Беспалов, оператор Г. Попов. Производство Ростовской студии кинохроники.

СТОЯТ У ДОРОГИ БЕРЕЗЫ

Стоят у дороги березы. И словно снится им та весна, когда первый раз по бездорожью прошли мимо них тракторы с вагончиками, машины. Веселые люди в теплых полушубках поставили первые палатки. Потом по пробитой в мартовском снегу колее повезли новую технику. Рядом с палатками начали расти дома. В открытую степь протянулись ровные улицы.

...Снег сошел. Запестрела весенними цветами степь. От новых сел к горизонту легли первые борозды. Земля, на которой волновались одни седые ковыли, покрылась строчками изумрудной зелени. Это были первые всходы целинного хлеба.

...Двадцать раз колосились хлеба на целинных землях. Двадцать раз хлеборобы снимали урожай. А старым березам под песню зимней вьюги и сейчас еще снится то время, когда в степь пришли люди, разбудили ее и обновили край седых ковылей...

В этих линогравюрах мне хотелось показать красоту моего края, где я родился и вырос, края, который раньше охотники называли журавлиным, а сейчас студенты называют «Планета Целина».

В. МАНЗЯ
учитель

Петропавловск.

КОЛЛЕКЦИЯ СЛУЖИТ ЛЮДЯМ

Вот уже шестнадцатый год Ленинградским клубом филокартистов при Дворце культуры имени С. М. Кирова бессменно руководит известный коллекционер Николай Спиридонович Тагрин. Он приобрел и систематизировал свыше полумиллиона открыток. Из них 40 тысяч отражают жизнь и деятельность В. И. Ленина. Богато представлена также география, в том числе раздел «То, что видел сам». Есть в коллекции немало уникумов: самая первая художественная открытка, изданная во Франции в 1870 году (в России такие почтовые отправления появились на двадцать пять лет позднее); первая дошедшая до нас советская открытка; открытка с изображением первого в Петербурге трамвая... Есть и редчайший экземпляр скромной, но бесконечно дорогой каждому советскому человеку открытки с изображением момента прорыва блокады Ленинграда. Она была издана типографскими тружениками осажденного города всего за несколько часов и сразу же после поступления в продажу раскуплена ленинградцами, чтобы немедленно сообщить во все концы страны о радости долгожданной победы и о скорой уже встрече с родными и близкими.

Коллекция Н. С. Тагрина (в 1945 году взятая под охрану государством) — богатейшая сокровищница самых разнообразных сведений. Сюда, в дом № 14 на 11-й линии Васильевского острова, приходят иллюстраторы книг, художники-реставраторы, швейники-модельеры, работники театров, кино и телевидения.

— Я рад, что моя коллекция служит людям,— говорит Николай Спиридонович.

А служит она действительно безотказно. Около 700 фоторепродукций передано в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма. 196 негативов отправлены в Государственный архив Ульяновской области. Открытки помогли созданию пятнадцати кинофильмов о Ленине. Свыше 130 фильмов было проконсультировано по открыткам Н. С. Тагрина, в их числе «Академик Павлов», «Последний дюйм», «Всего одна жизнь» (о Ф. Нансене) и др.

Об истории своей коллекции Н. С. Тагрин расскажет в книге «Мир в открытках». Богато иллюстрированная, она должна выйти в московском издательстве «Изобразительное искусство».

А. ПЕНЬКОВА

Ленинград.

А. Полюшенко.

РАДУГА.

ЗИМКА.

А. Полюшенко. ВЕЧЕРНИЕ ТЕНИ.

ЗЕЛЕНЯ.

РЕПОРТАЖ С ГРАНИЦЫ ПОД НАЗВАНИЕМ ФАШИЗМ

Генрих БОРОВИК

После того, как в иностранных газетах появились первые сообщения о зверствах на стадионе «Насиональ», мистер Уиллоби объявил, что группа иностранных журналистов сможет вскоре посетить стадион, «чтобы воочию убедиться, какая подлая клевета — все эти россказни о зверствах».

Журналистов повели на стадион огромной группой — человек в сто, не меньше. С блокнотами, магнитофонами, фото- и кинокамерами, блицами, переносным освещением для телевидения, в общем, со всем тем, что могло пригодиться. Готовились к возможной сенсации.

Их ввели через ворота на футбольное поле. Оно было пусто. Журналистов вывели на средину. Перед ними на трибунах стояли заключенные. Но не пять и не семь тысяч, как ожидали корреспонденты, а человек 500 или 600. Их отделяли забор из проволочной сетки, солдаты с автоматами, дула которых были направлены в две стороны — в заключенных и в прессу, гаревая дорожка и несколько десятков метров самого поля.

Сопровождавшие прессу офицеры хунты предупредили — находиться только в границах игрового поля, гаревую дорожку не пересекать, с заключенными не разговаривать.

Но не так-то просто остановить журналистов. Через несколько минут, несмотря на крики офицеров, они перешли гаревую дорожку и приблизились к солдатам, стоявшим цепью вдоль забора. Преодолеть линию автоматчиков, правда, не решились.

Корреспонденты теперь стояли в нескольких метрах от проволоки и пристально разглядывали заключенных. Те смотрели на них мрачно. Худые, бледные, некоторые явно слабые. Но следов побоев, пыток, крови журналисты не увидели.

Кто-то из корреспондентов крикнул громко:

— А где остальные?

Заключенные молчали. Несколько человек показали пальцами вниз, под ноги. Корреспонденты поняли — под трибунами.

Напротив Альберто, за забором, стоял парень, по виду аргентинец. В Буэнос-Айресе несколько дней назад, ожидая разрешения лететь в Чили, Альберто встречал родственников аргентинцев, застигнутых в Чили переворотом. От тех не было вестей, и аргентинцы в Буэнос-Айресе умоляли Альберто узнать в Сантьяго хоть что-нибудь об их близких. И сейчас Альберто крикнул парню за забором: «Много здесь аргентинцев?» «Было много»,— ответил парень. «Где они?» Тут же один из солдат бросился к Альберто, другой угрожающе клацнул затвором и направил автомат на аргентинца. Но парень успел провести ребром ладони по своему горлу, а Альберто успел заметить этот жест.

Журналисты кричали еще какие-то вопросы, но заключенные не отвечали: боялись. Кто-то бросил людям за забором сигареты. Те кинулись подбирать.

Потом прессу снова собрали в центре поля, и к ней вышел комендант стадиона, точнее, комендант концлагеря, расположенного на стадионе, полковник Эспиноса.

Он сказал, что вначале сделает заявление, а затем ответит на любые вопросы. И произнес длинную речь, в которой содержалась лишь одна мысль — как прекрасно быть заключенным на стадионе «Насиональ».

Кто-то перебил полковника: а где остальные заключенные?

Тот ответил спокойно:

— Некоторые любят солнце, другие — тень. Те, что остались под трибунами, надо полагать, предпочитают тенечек...

До других вопросов дело так и не дошло. Полковник еще не кончил свою речь, когда на поле выбежал офицер, делавший Эспиносе какие-то знаки руками. Комендант прервал монолог на полуслове, сказал: «Все!» — и приказал журналистам покинуть стадион.

Через несколько минут пресса была выдворена за ворота. Как раз в это время к стадиону подкатило несколько грузовиков, и солдаты стали выбрасывать из них на землю людей в наручниках, иногда со связанными ногами. Охранники пинками поднимали арестованных с земли и прикладами гнали к воротам. Это была новая партия арестованных. Как видно, кто-то не рассчитал, думал, что журналисты к этому времени уедут. Один из фотографов пыхнул блицем — наступили сумерки, и света не хватало,— к нему немедленно подбежал офицер, вырвал камеру, проворно открыл, засветил пленку и только тогда вернул...

Альберто послал в редакцию отчет о посещении стадиона, ни словом не обмолвившись, конечно, о рассказе инженера. Отчет был стандартен, написан канцелярским языком, как и все, что он посылал из Сантьяго.

Но блокнот его, который он всегда носил с собой, все заполнялся и заполнялся новыми бессодержательными для чужого глаза записями.

Только он мог прочесть там о трупах, плывущих по реке Мапочо, или о том, как героически оборонялись против солдат хунты студенты Технического университета в Сантьяго. Он писал в своем блокноте о перестрелках, которые слышал каждую ночь со стороны рабочих районов Сантьяго; о пытках на военных судах «Эсмеральда» и «Майпо», превращенных в плавучие тюрьмы; о том, что число убитых хунтой, конечно, не 284 человека, как заявляли власти, и даже не 5 тысяч, как считали журналисты, а минимум 15 тысяч, но может быть, и больше. Совершенно разборчиво, четко и ясно он заносил в блокнот только цитаты из заявлений руководителей хунты: «Наша цель — объединить чилийский народ...», «Хунта стремится к высоким идеалам справедливости...», «Хунта восстанавливает человеческие права...»

Рядом с остальными записями эти слова звучали особенно выразительно. Альберто уже придумал, как построит свои статьи, которые пошлет в редакцию газеты сразу, как только вырвется из Чили. Рассказ инженера о стадионе и рядом жирным шрифтом, без всяких комментариев — цитаты из заявлений генерала Пиночета; рассказ о еженощных массовых расстрелах и о разгроме дома Неруды, а рядом — разглагольствования Уиллоби «о правах человека»; рассказ о том, как хунта назначила ректорами университетов генералов, а рядом — слова генерала Ли о «стремлении хунты к демократии». Со всеми подробностями он напишет о том, как группу журналистов водили по развалинам резиденции Альенде на улице Томаса Моро, и о той книжке, которую Альберто нашел там и теперь все время носил с собой, боясь оставить ее в номере гостиницы.

Книжка эта оказалась в его руках так.

Хунта решила организовать посещение иностранными журналистами резиденции убитого президента.

Но перед тем как привезти корреспондентов туда, им показали дом личного секретаря президента Альенде.

— Здесь, сеньоры, у них была партизанская школа,— сказал офицер, дававший пояснения.— Здесь по приказу Альенде проходили тренировку партизанские отряды, которые готовили переворот, намеченный на 17 сентября. Вы знаете, конечно, что они собирались уничтожить всех наших генералов, всех офицеров, разгромить армию и окончательно растоптать нашу чилийскую конституцию и демократию.— Офицер говорил энергично, напористо и почти убежденно.— Эту школу прошли тысячи людей Альенде. Вот, например, канат.— И он показал кусок веревки, очень похожей на бельевую.— При помощи этого каната они тренировались в лазании по стенам... А вот комната, где все они спали.

— Сколько же их здесь могло поместиться?— спросил кто-то.

— Не знаю,— ответил офицер.

— А по-моему, не более двух-трех,— насмешливо сказал журналист.

— Значит, отряды были маленькими,— согласился офицер,— по два-три человека. Чтобы быть мобильнее. Чтобы легче было выполнять замыслы Альенде...

Все это было так глупо, что Альберто, наверное, рассмеялся бы, если бы только развалины, которые им показывали, не хранили следов человеческой крови.

Окончание. См. «Огонек» №№ 8—9.

Затем журналистов привели в резиденцию Альенде. Тот же офицер давал объяснения. Видимо, он получил задание поразить корреспондентов «безумной роскошью», которая окружала президента. И он старательно выполнял свое задание, водя журналистов по развалинам этого когда-то со вкусом и уютно обставленного, но довольно скромного дома.

— Обратите внимание, сеньоры,— говорил офицер звенящим голосом.— В этом доме у него было две ванных комнаты! — И делал паузу.— А вот шкаф! В нем было более десяти костюмов, господа!— Снова пауза.— А вот здесь президент слушал музыку! Президент, называвший себя марксистом, слушал музыку вот в этой специальной комнате, где у него стоял магнитофон!

Офицер, похоже, был искренне убежден, что музыка и марксизм несовместимы.

— Я уже не говорю о том, сколько у него было книг!— продолжал офицер.— Роскошная библиотека, которая найдется не у каждого миллионера!..

В бывшей библиотеке журналисты действительно увидели гору книг. Они валялись беспорядочной грудой, истоптанные, изуродованные, изорванные, обуглившиеся.

Альберто хорошо знал эту комнату. Именно здесь Альенде давал ему интервью, и, ожидая президента, журналист рассматривал тогда корешки книг. Среди них было очень много подаренных Альенде авторами.

...Из груды книг Альберто поднял одну, затем другую. Первые страницы у обеих были вырваны, те самые страницы, на которых авторы обычно делают дарственную надпись. Вот книга, написанная президентом Мексики Эчеверрия и подаренная им Сальвадору Альенде. Альберто видел ее в руках у Альенде и помнит — там была дарственная надпись автора. Сейчас книга была изуродована, как все, а первая страница вырвана. Зачем? Возможно, вырывая страницы с собственноручными надписями авторов, секретная полиция хунты решила составить список друзей убитого президента? И эта глупость хунты тоже была бы смешной, если бы только за всем этим не стоял образ убитого Альенде.

Случайно под обвалившимся камнем Альберто нашел книжку Франсуа Миттерана, первого секретаря социалистической партии Франции: «Правительственная программа социалистической партии». Солдаты, видно, по недосмотру не вырвали злосчастную первую страницу. На ней сохранилась дарственная надпись, сделанная рукой Миттерана. Оглянувшись, Альберто положил ее в карман куртки.

...Он улетел из Чили сразу, как только понял — пора, материал собран. Нужно писать. Чтобы не терять времени на долгий перелет, решил сойти в ближайшем аэропорту, как только пересечет границу Чили, чтобы поехать в гостиницу, сесть за стол и писать, писать обо всем, что увидел. Первым аэродромом была Лима. Прямо с самолета он поехал в отель «Маури» около Пласа де Армас и, положив перед собой блокнот с условными записями и книжку из библиотеки Альенде, стал писать. Он никуда не выходил и никому не звонил, хотя в Лиме у него было много друзей! За день и ночь он написал три очерка. Он решил послать сразу три, чтобы там, в газете, было удобнее спланировать и подать его материалы, как надо. Он знал, правда, что редактор вовсе не придет в восторг от этих статей, но думал, что и отклонить не посмеет: каждое слово в них — правда.

Он послал телеграфом.

Телефонный звонок из редакции раздался утром. В Испании в это время было два часа дня — сиеста, святой послеобеденный отдых, и он удивился, когда телефонистка сказала: «Сеньор, вас вызывает Мадрид, редакция газеты».

— Мы получили твои статьи, Альберто,— услышал он голос редактора отдела.— Мне поручено передать тебе следующее. То, что произошло в Чили,— это торжество справедливости. В Чили погибло 284 человека. Расстреляно — 8. Так говорит хунта, и мы этому верим. Лучше было бы, конечно, совсем без жертв. Но эти жертвы ничто по сравнению с кровопролитием гражданской войны, которую собирались развязать марксисты.— Редактор помолчал немного и потом уже неофициальным, дружеским тоном произнес:— Альберто, мы понимаем, ты под впечатлением момента. Отдохни. Ничего не пиши некоторое время. Ты давал все эти дни из Сантьяго прекрасную и убедительную информацию. Мы ценим ее. Ничего другого на эту тему газете от тебя не нужно. Не огорчайся, друг. Адиос.

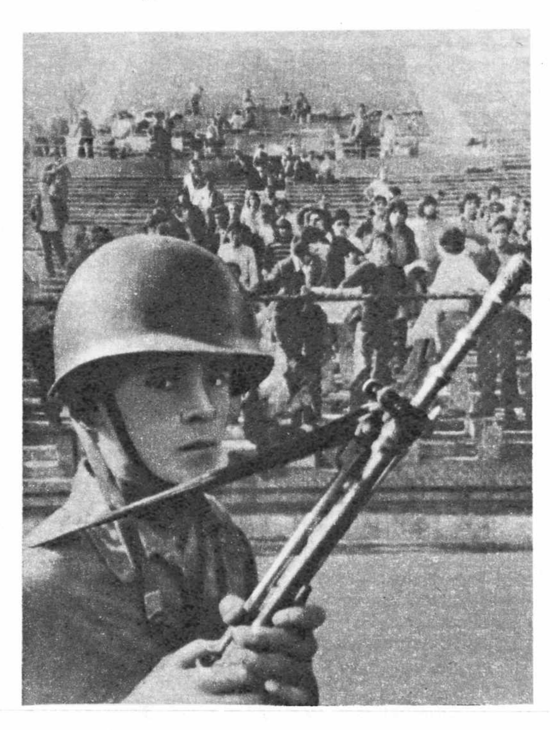
И разговор закончился.

Все это Альберто рассказал мне в той самой гостинице «Маури», в которой жил и я и где мы с ним встретились.

Альберто — человек небольшого роста, крепкий, плотный, с бритой крупной головой и с синими, печально встревоженными глазами. Иногда, впрочем, эти глаза вдруг темнеют и становятся решительными и злыми, как черная точка автомата, направленного в того, о ком он в этот момент думает.

— Мне остается одно,— говорил он, отодвигая чашечку с нетронутым кофе,— рассказывать о том, что я увидел, другим журналистам из тех газет, где напечатают мой рассказ. Но только как я буду смотреть в глаза своим читателям, когда вернусь?..

Он сходил к себе в номер и принес ту книжку, которую взял в сожженной библиотеке Альенде. Книжка растоптана и обожжена,

Национальный стадион в Сантьяго, превращенный хунтой в концлагерь.

но авторская надпись Сальвадору Альенде сохранилась.

— Возьмите ее,— сказал Альберто.— Покажите в Москве. Я еду отсюда в Боливию. Там на аэродроме таможня будет проверять чемоданы. Ее могут отобрать у меня. А из Москвы вы перешлете ее мне домой. Вот адрес...

Я не называю тут ни фамилию Альберто, ни газету, которую он представляет, по его просьбе. Газета не потерпела бы скандала, уволила бы его. А он пока не готов к этому.

Эти строки я пишу в своем номере, в гостинице «Маури». Рядом со стопкой исписанной бумаги передо мной на столе лежит обожженная книга из разрушенной библиотеки убитого президента.

Солнечный свет из окна падает узкой полосой на книжку в том месте, где края страниц обгорели, и кажется — действительно занимается пламя, бесцветное, какое рождается от солнца под увеличительным стеклом. И обугленный срез книги будто предупреждает: не дотрагивайтесь, горячо, до боли горячо — открытая рана.

Иногда бывает так: вокруг тебя огромное горе, а ты увидел какую-то мелочь, связанную с этим горем, и для тебя в этой мелочи вдруг собралась вся трагедия.

Я видел снимки разрушенного дворца «Ла Монеда», сделанные с самолета,— стены комнат, залов, кабинета, лишенные потолка и пола. Я пытался разобраться, в каких комнатах я сам был, когда приходил во дворец, в приемную к президенту или когда в кабинете его жены (как трудно сказать — вдовы!) беседовал с ней. Всего несколько месяцев назад...

Видел и другой снимок. Развалины его дома на Томас Моро. И тоже старался восстановить по памяти: вот здесь я вошел через проходную, затем, кажется, вперед, налево и через комнату вот на ту веранду, где за низким чугунным круглым столом со стеклянным верхом мы с ним беседовали. Это было рано утром. Но президент, как видно, уже давно работал. Он вошел, думая совсем о другом, не о предстоящей беседе с журналистом. И, здороваясь, тоже думал о чем-то своем — вдруг остановился, позвал кого-то и отдал какие-то распоряжения, мысль о которых, возможно, пришла ему уже здесь, на веранде, в последнюю минуту. И только потом, улыбнувшись и разведя руками — мол, ничего не поделаешь, работа,— стал отвечать на мои вопросы...

Впервые я увидел его в Чукикамате, на медных рудниках, в марте 1972 года. Это было в поселке, где жили раньше только американцы, в доме № 1000, который был расположен на холме выше всех домов и служил клубом американским хозяевам чилийской меди. Теперь здесь собрались представители рабочих — дом с этого дня становился их собственностью, и там теперь открывался их рабочий профсоюзный клуб.

Произносились речи. Альенде сидел на диване рядом с рабочими и посматривал на них внимательно. Они были радостно возбуждены, и он тоже. Видно было, что ему доставляет огромное удовольствие наблюдать людей, впервые сидевших в этих богатых креслах, с непривычки робевших, перемещавшихся на самый краешек сиденья. Он смотрел на них, чуть улыбаясь, ласково, с доброй, ободряющей усмешкой: ничего, мол, ничего, привыкайте, это ведь все принадлежит вам по праву, и в том, что вы этим не распоряжались, не ваша вина.

Возможно, это были одни из самых счастливых минут его жизни. Так он, во всяком случае, сказал тогда в своей речи, короткой и негромкой. В ней он просто поздравил рабочих и рассказал, что несколько лет назад, будучи сенатором Чили, он собирался приехать в Чукикамату, на медные рудники. Но для этого ему, чилийскому сенатору, надо было испрашивать разрешения у американской администрации рудников. Он испросил, и ему отказали. Американская «Анаконда» не пустила чилийского сенатора на территорию чилийских рудников. Он рассказывал об этом негромко, с иронической усмешкой, но глаза поблескивали из-под очков стальным холодом.

— Так что мы тут с вами совершенно в равном положении,— сказал он.— Всем нам надо привыкать быть хозяевами собственной страны...

Он был без заискивания и подделки прост с рабочими, чувствовал себя с ними среди своих. На другой день, когда президент ходил по цехам медеплавильного завода в Чукикамате, человек сто горняков в блестевших на солнце каскетках облепили огромный грузовик, чтобы лучше видеть Альенде. Он помахал им рукой. Они в ответ закричали что-то приветственное. Потом кто-то из них крикнул:

— Компаньеро президент, идите к нам, пусть нас сфотографируют!

Он, улыбаясь, быстро подошел. Рабочие нахлобучили ему на голову каскетку. Один подставил колено, другой плечо, десятки рук потянулись, обхватили его и подняли наверх, в кузов.

— Ну, если вы такую тяжесть поднять можете,— засмеялся президент,— тогда все остальные проблемы для нас с вами пушинка.

Рабочие загоготали, довольные, и потом долго не отпускали его — задавали вопросы, а он обстоятельно отвечал, стоя в кузове на одной ноге: другую некуда было поставить.

Перед отъездом Альенде из Чукикаматы возле дома № 1000 был выстроен почетный караул под командованием офицера.

— Доброе утро, гвардия! — весело поздоровался президент.

— Доброе утро, экселенция!— дружно ответили солдаты и продефилировали перед ним тихим, мягким, похожим на кошачий, строевым шагом, перенятым у американской армии. Думал ли он тогда, что всего через год с неболь-

шим чилийские солдаты, одетые в форму американского покроя, и офицеры в форме покроя прусского предательски убьют его, президента Чили, уничтожат конституцию, растопчут демократию. Не знаю, принимали ли участие в перевороте те самые офицеры и солдаты, которые в тот далекий теперь день дружно кричали: «Доброе утро, экселенция!» Или, может быть, они сами были уничтожены, как были уничтожены многие солдаты и офицеры, не захотевшие повиноваться предателям. Не знаю.

Последнее фото Альенде. Оно потрясает. Это было утром 11-го. Он вышел на балкон, увидел оцепившие площадь Конституции танки и, видимо, понял, что помощи ему ждать неоткуда. Под балконом стояло несколько десятков человек в гражданской одежде. Это были, по всей вероятности, те, кто успел прибежать сюда до того, как подходы к площади забили танки, прибежать, чтобы защитить своего президента, если нужно, драться вместе с ним. Возможно, они кричали что-то ему, вышедшему на балкон: может быть, спрашивали, что делать, предлагали свою помощь или требовали, чтобы он скорее уходил из дворца, иначе погибнет. И в ответ на эти крики он чуть улыбнулся, покачал головой и помахал рукой. В этой улыбке и в этом последнем взмахе руки президента был и совет тем, кто внизу, уходить, потому что они все равно ничем не смогут помочь ему и только бессмысленно погибнут сами; и ответ: сам он не может уйти и не уйдет отсюда.

Он еще раз помахал рукой и ушел с балкона, закрыв за собой двери навсегда.

В этом поступке, мне кажется, весь он, Сальвадор Альенде Госсенс, человек мягкого сердца и твердой воли, широкой души и высокого сознания своего долга.

Ведь он мог не поехать во дворец, узнав о мятеже, мог скрыться, пока площадь еще не была оцеплена войсками горилл. Наконец, когда он понял, что защитники дворца не имеют возможности противостоять танкам и самолетам мятежников, он все еще мог попытаться уйти из дворца через дверь, ведущую на улицу Миранде. Тысячи аргументов были бы в его распоряжении, чтобы оправдать такой поступок: остаться живым, вести борьбу против хунты из подполья, из эмиграции и т. п.

Но он не воспользовался ни одним из них. В перерыве между атаками, когда кто-то из его окружения задал вопрос, а не правильнее ли будет сохранить жизнь президента, Альенде ответил:

— Если бы я мог выбирать, меня, конечно, не было бы здесь, я был бы в другом месте, чтобы продолжать борьбу. Но я должен оставаться в этом дворце, как президент, избранный народом. Я должен оставаться здесь, несмотря ни на что, даже если это кончится моей смертью.

Он не рвался к героической смерти и не собирался кончать жизнь самоубийством. Он просто считал необходимым защищать свою страну и ее закон, который он всегда соблюдал ревностно, стараясь даже социалистические преобразования совершать в его буржуазных рамках. Народ привел его в этот дворец. И президент был обязан находиться там и защищать дворец, президентство и волю народа от предателей. Именно он, никто другой за него. Это был его долг — так его понимал Альенде.

Вся его жизнь была посвящена выполнению своего долга и борьбе за свои принципы. Если бы он был «благоразумен» в обывательском смысле слова, то, наверное, давно бы бросил политическую и революционную деятельность, которая принесла ему тяжкие испытания, и стал бы благополучным врачом с обширной частной практикой, спокойной жизнью и большими доходами. Но еще в студенческие годы, когда его исключили из университета и отдали под суд военного трибунала за борьбу против военной диктатуры, он дал себе клятву никогда не прекращать своей борьбы за справедливость и эту клятву выполнял.

В самый тяжкий политический период в Чили в начале пятидесятых годов, когда компартия страны находилась в глубоком подполье, Альенде, не боясь преследований, выступил за союз социалистов с коммунистами и тем самым заложил основу для будущего сотрудничества в рамках народного единства.

В буржуазной стране субъективно честный человек, выбирающий дорогу политического деятеля, немедленно перестает быть тем, кем он был. Для того, чтобы добиться политического успеха, он должен предать самого себя, свои взгляды. Сальвадор Альенде никогда не предавал своих убеждений и всегда оставался самим собой. Его судили военным трибуналом, его сажали в тюрьму, но он выходил оттуда с теми же убеждениями, что были у него и до заключения. В него стреляли, стреляли в его друзей и соратников, предназначая пулю ему. Но он продолжал идти раз навсегда избранным путем.

Он не был фанатиком, не принадлежал к этой самой опасной категории слепцов, полагающих себя провидцами. Он любил жизнь, любил солнце, море, стихи Неруды, музыку, песни... Но он был человек удивительно развитого чувства долга перед людьми, перед своим народом, перед своей страной и перед самим собой.

Кто-то из тех, кто видел его тело, сказал, что ладони Альенде были черными от пороха. Он дрался против предателей до самой последней минуты своей жизни.

Часто спрашивают, неужели он не ожидал переворота, не ожидал предательства генералов. На границах Чили я беседовал со многими людьми — беженцами оттуда. Из бесед у меня складывается мнение: он предполагал возможность этого переворота умом. Но сердцем не верил, что его могут окружать такие гнусные предатели. Ведь генерал Пиночет звонил ему в два часа ночи 11 сентября и уверял, что все обстоит благополучно, что президенту не о чем беспокоиться. Альенде был слишком благороден — он не принимал сердцем возможность такой низости.

Его боятся убитого. Хунта сдирает его портреты со стен домов в Чили. Но они появляются в городах всего мира. Его имя под запретом в Чили, как и слово «товарищ» — компаньеро. Но оно на устах всех честных людей мира.

Он уже стал легендой. Его имя произносят рядом с именем Че Гевары, и портреты их часто висят рядом. Они были разными людьми — по характеру, по темпераменту, у них были разные взгляды на методы, какими следует осуществлять борьбу за счастье людей. Но оба они были до последней капли крови верны делу революции. Оба были марксистами, солдатами великой и благородной армии борцов за социальные переустройства мира.

Шли дни, заполненные до краев сотнями встреч, поисками новых вестей из Чили. Совсем недалеко была Чили. Рукой подать. Всего каких-нибудь несколько сотен километров до границы. А оттуда до Сантьяго столько же, не больше. Все эти дни я жил только Чили, думал и говорил только о Чили, писал о ней. Чили была рядом — на страничках моих блокнотов, в магнитофонных записях сбивчивых рассказов людей, только что вырвавшихся из Сантьяго, в газетных вырезках, в эфире и на экране телевизоров. И временами ощущение было такое, что все, о чем тебе рассказывали, о чем ты слышал или узнал, ты пережил сам. Сам бродил по улицам Сантьяго, стоял, сняв шляпу, у разбитого президентского дворца. В твой дом врывались солдаты. Тебя арестовывали и бросали в камеру под трибунами стадиона «Насиональ». Тебя допрашивали офицеры хунты. Ты шел за гробом великого поэта и пел «Интернационал». По вечерам в номере гостиницы в Лиме, в Буэнос-Айресе или в Мендосе — у самой границы с Чили — я записывал в блокнот то, что удалось услышать и увидеть днем, а чувство было такое, будто за стенами комнаты — Сантьяго.

Но Чили была отделена от меня не просто географически, не только пустыней Атакама или отрогами Анд. Она была отделена приказом хунты «истребить марксизм», смертью дорогих мне людей, пеплом сгоревших книг. Граница между мной и Чили проходила теперь по реке Мапочо, по которой плыли трупы убитых, по стадиону, на поле которого расстреливали людей, по острову Досон в Магеллановом проливе, где томится Луис Корвалан.

Граница эта имела название — фашизм.

Лима — Буэнос-Айрес — Мендоса.

АПН

Дуганов, какой он есть

Дуганов — Г. Крынкин,

Люда — О. Богданова.

Фото Н. Агеева.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Нет, с Дугановым все обстоит совсем не так просто, как может показаться на первый взгляд, когда этакий «победительный», явно довольный и собою и всем, что вокруг него, герой появляется на экранах наших телевизоров.

Играющий заглавную роль в постановке Центрального телевидения «Два часа в семье Дугановых» Г. Крынкин, со своим мужественным и ярким обликом, звучным, особенным, каким-то басовито-баритональным голосом и четкими интонациями, заставляет нас сразу подумать о том, что вот-де перед нами человек, явно зазнавшийся, потерявший ту доброту к людям, скромность и требовательность к себе, которой отличалась вся рабочая династия Дугановых из поколения в поколение...

Но не будем торопиться с выводами. Спектакль по сценарию Ц. Солодаря, поставленный Ю. Кротенко в такой вот будто бы очень отчетливой, определенной манере,— видимо, только еще «зачин» многосерийного, большого и принципиального разговора о современной жизни рабочего человека, где возникают совсем новые, подчас еще вовсе не тронутые искусством проблемы и конфликты.

Тут все не просто, а часто и очень даже сложно и в личной жизни героя, и в быту, и на производстве... И многое еще будет решаться на наших глазах.

Думается, тема фильма достаточно серьезна, интересна, и, может быть, не стоило так часто прибегать — явно для «оживления» передачи — к песням и музыке. Но уж это — дело вкуса.

Т. ЛОТИС

Книга с маркой «Русский язык»

Безвозвратно ушли в прошлое те времена, когда царские дипломаты, как и наиболее «образованная» часть дворянства, в устной речи, личной и служебной переписке прибегали к французскому языку, подчеркивая свое пренебрежительное отношение к народу, его культуре... Сейчас язык Пушкина и Ленина пересек границы нашей страны. Он стал официальным языком десятков международных организаций. Его знают и изучают миллионы людей за пределами нашей Родины. И это не случайно. Грандиозные успехи страны, миролюбивая внешняя политика, расширение связей и сотрудничества со всеми государствами, особенно же с братскими социалистическими странами, объясняют все возрастающий интерес к русскому языку — его изучают во всем мире.

Поэтому-то и создано сейчас новое, специализированное издательство «Русский язык». Оно выпускает главным образом учебники и учебные пособия для школ, высших и средних специальных учебных заведений, научную и методическую литературу для преподавателей. Будут выпущены учебники, рассчитанные на иностранцев, обучающихся в Советском Союзе.

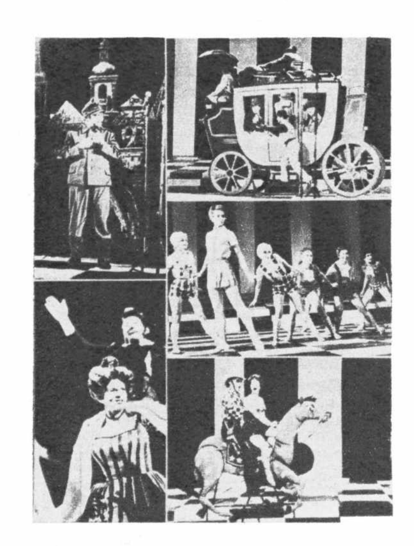
Особое место мы отводим изданию художественной литературы, произведений русских и советских классиков, а также книг, рассказывающих о достижениях советского народа в общественно-политической, культурной, научной, технической и других сферах деятельности. В издании книг и других материалов мы надеемся получить помощь со стороны молодого, но уже хорошо зарекомендовавшего себя за рубежом Института русского языка имени Александра Сергеевича Пушкина.

Наше издательство будет также выпускать словари. Потребность в них необычайно высока — и в нашей стране и за рубежом. Тут будут и филологические и научно-технические словари, значение которых в нынешних условиях неуклонно возрастает.

За последние годы неизмеримо повысились требования к художественному оформлению и полиграфическому исполнению всей выпускаемой литературы. В связи с этим наше издательство будет оснащено всей необходимой, самой современной полиграфической базой.

Книги с маркой издательства «Русский язык» увидят свет уже в нынешнем году.

В. НАЗАРОВ,
директор издательства
«Русский язык»

ВЕСЕЛЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

Ревю «Песня для тебя» — маленький фестиваль чехословацкого искусства. Узор его, подобно калейдоскопу, красочен и подвижен. Мы узнаем, какие песни поют сегодня в Чехословакии, что танцуют, на какие представления зовет театральная афиша. Да, мы увидим тут и работы театров. Конечно, не все и не полностью, ведь только в Праге, как утверждают пражане, их чуть ли не сто...

На сцене почти все время находится бравый солдат Йозеф Швейк: «Я пришел, услышав песню о стране моей». И, как всегда, у него в запасе добрый десяток смешных историй. А в «запасе» всей программы нашлись стихи, песни и сцены из мюзиклов в ярком исполнении артистов Г. Васильева, С. Варгузовой, В. Богачева, З. Смольяниновой и других. Надо ли говорить, с каким интересом встретили московские зрители сцены из мюзикла «Хлестаков» (постановка И. Барабашова), в котором мы как бы заново узнаем старых знакомых. Заново, потому что каждый исполнитель, будь то, в первую очередь, В. Батейко в роли Хлестакова или заслуженная артистка РСФСР К. Кузьмина — Анна Андреевна, сумел передать нам свое, оригинальное видение классического образа, чему, конечно, послужила и музыка Т. Миртиньского.

...Плавно опускается на цепях декорация — круглая крепостная стена с резными игрушечными башнями. Свет старинных фонарей, музыка, двое влюбленных под дождем... Неважно, Брно это или Прага, Пльзень или Братислава,— это уголок братской Чехословакии. Ей посвящен новый спектакль Московского театра оперетты. Художественный руководитель постановки народный артист РСФСР Г. Ансимов, дирижер Э. Абусалимов, балетмейстер Ю. Взоров, как и многие участники этого красочного, веселого ревю, сделали все, чтобы новая работа театра стала для зрителя праздником искусства.

В. ВАРЖАПЕТЯН

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ ЧИТАТЕЛЯ

«...Поразили, взволновали меня стихи В. Сааковой, опубликованные в 10-м номере «Огонька» за 1973 год. Хочется узнать о ней побольше, о ее литературной судьбе и о том, над чем сейчас работает поэтесса» — так откликнулся на стихи В. Г. Сааковой читатель Г. Гуреев из Краснодарского края. Подобных писем было получено много, и редакция решила направить корреспондента в Сочи, город, в котором сейчас живет поэтесса.

О ВЕРНОСТИ, О ДОЛГЕ, О ЛЮБВИ...

Неправда, что поэты все время витают в облаках, иногда они увлекаются делами вполне земными. Во всяком случае, первое интервью мне давали за швейной машинкой. Валентина Григорьевна как раз заканчивала свое портновское произведение, а неоконченная рукопись ждала своей очереди на письменном столе.

— Никуда не денешься от домашних хлопот. Сейчас, правда, полегче,— начала свой рассказ Валентина Григорьевна.— Дети выросли и разлетелись. Дочка Нателла учится в Москве. Решила стать журналисткой. Работая корреспондентом «Черноморской здравницы», я часто брала ее с собой, когда разговаривала с людьми, собирала материал. Сначала, как говорится, девать было некуда, потом смотрю, всерьез интересуется дочка моей работой. Постепенно и ей начали давать самостоятельные задания в газете. Сейчас набралась довольно большая стопка ее публикаций. Ну, а старший, Володя, давно уже человек самостоятельный. Для него тоже не было проблемы выбора профессии. У нас в семье «культ» отца, а Вагро Иванович был военным летчиком. Восемнадцать лет тревожилась я за мужа, каждый раз провожая его в небо. А сейчас так же волнуюсь за сына. Он уже три года — в сельскохозяйственной авиации.

Валентина Григорьевна задумалась. Вспомнился первый вылет сына, когда, не помня себя от тревоги, выбежала она на летное поле, готовая своими руками остановить, удержать самолет, уносивший в небо дорогого ей человека.

Бежать, бежать,
Забыть про все на свете,
И звать, и плакать,
и кричать:
— Постой!
Когда взрослеют и уходят
дети,
Мать остается горькой
сиротой.

Впрочем, пессимизм несвойствен поэтессе. Валентина Саакова — человек добрый, она любит и умеет радовать людей. И один из ее даров, самый большой, самый главный,— это ее светлые, солнечные стихи. В стихах, посвященных матери, она пишет:

Долг материнский —
Он, как подвиг, труден...

Я верю, знаю, что не зря
жила!
Судьбу детей я Родине
вручаю
И через них от жизни
получаю
Бессмертья лебединые
крыла.

— Вот только внучка моя Лариса пока еще не сделала выбор,— озорно, молодо сверкнув серыми сияющими глазами, быстро переменила тему разговора Валентина Григорьевна.— Для дедушки она поет старые песни авиаторов, которые слышала вместо колыбельных, а для меня сочиняет свои первые стишки.

Чем больше я знакомилась с семьей Сааковых, тем больше понимала, как искренни слова поэтессы о верности, о долге, о любви.

Родилась Валентина Григорьевна в Моздоке в 1922 году в семье актеров провинциального театра. Много путешествовала с родителями по Кубани. В доме часто собирались друзья, пели, читали стихи. Иногда ставили пьесы, написанные отцом специально для детей. Первые свои стихи маленькая Валя писала для старших сестер, участниц агитколлектива «Синяя блуза», и для брата Володи, который потом сочинял на ее слова музыку. Стихотворение «Клухорский перевал», написанное Валей еще в пятом классе, было опубликовано в моздокской городской газете «Ленинская правда» в 1935 году. Вскоре после этой первой публикации она стала членом литературного объединения. Верность первой газете Валентина Григорьевна сохранила на всю жизнь: по сей день посылает туда свои стихи и состоит членом этого литобъединения вот уже почти сорок лет.

Перед самой войной поступила она в Нальчинский педагогический институт на литературный факультет, но потом перешла в Минераловодческое дошкольное педучилище. Окончила его с отличием и пошла работать в Машукский детский дом воспитательницей. Вагро еще за год до войны ушел в летное училище и оттуда сразу попал на фронт, даже не побывав в своем родном Моздоке. Всю войну переписывались школьные друзья Вагро и Валентина, а после войны поженились.

Став женой военного летчика, Валентина Григорьевна навсегда связала свою жизнь с буднями авиачасти. Писала в армейскую газету, часто выступала со стихами перед летчиками, участвовала в самодеятельности. Не порвала связи с армией и тогда, когда Вагро Иванович вышел в отставку.

— Друзья Вагро стали моими друзьями, судьбы их — моей судьбой. Поэтому, наверное, основной темой ранних стихов всегда была военная тема,— рассказывает Валентина Григорьевна.— Позднее я занялась журналистикой. Ну, и конечно, были стихи, стихи... В 1968 году в Алма-Ате вышла первая книга «Близкие звезды».

Здесь поэтесса рассказывает о судьбах своих сверстниц — боевых подруг и помощниц советских воинов.

Вот как скромно пишет она о своем творчестве:

О поэзия «милых женщин»,
Та, не принятая всерьез,
Ты — любовь, одному
обещанная,
Голос горлинки в громе гроз.
Не рассчитанная на
громкость
Крупных фактов и звонких
фраз,
Не завещанная потомкам,
А живущая среди нас,
Пусть событием ты не стала,
Не прошла испытаний лет,
Но в тебе, как в росинке
малой,
Отражается солнца свет.

Некоторые из стихов В. Сааковой положены на музыку.

Сейчас Валентина Григорьевна много работает на телевидении, в «Черноморке», как называют сочинцы свою газету «Черноморская здравница», много ездит по краю. А в станицу Динскую В. Саакова уже давно приезжает, как в свой родной дом. Близок к завершению очерк на полтора печатных листа о людях Динской.

— Назвала очерк «Хлеб земли, хлеб души»,— поясняет Валентина Григорьевна.— И, конечно, из динских станиц увезла я прекрасные впечатления, теплые чувства, которые не могут не вылиться в стихи. Хватило бы только умения писать хорошо, писать правду.

...Писала девочка стихи. Но не прошло с годами это увлечение. Поэзия стала делом жизни Валентины Сааковой, ее счастьем.

В. МОРОЗОВА

— Отведи сына в детский сад, сходи за продуктами, свари обед, постирай белье, вымой полы, заштопай носки, сбегай в химчистку и тогда делай, что хочешь.

— Нужно мне было взять больничный на Восьмое марта.

Я РУКИ ЖЕНСКИЕ ЦЕЛУЮ

Неторопливо, с настроением

Слова Расула ГАМЗАТОВА.

Музыка Алексея ЭКИМЯНА.

Целую руки женщин всей земли,
Мне так понятна тяжесть женской доли.
Собрать добро по зернышку смогли,
Смогли засеять жизненное поле.

Они открыли небо для меня,
Я вижу солнце сквозь грозу любую,
И, снова низко голову склоня,
Я эти руки женские целую.

Как пчелы в соты собирают мед,
Так эти руки счастье собирают,
И потому на свете каждый год
Так много доброй новизны бывает.

Своей любовью нас в пути храня,
Они всегда беду отводят злую.
И, снова низко голову склоня,
Я эти руки женские целую.

Святые руки наших матерей
Весь мир хранят заботливо и нежно
И щедро дарят с самых первых дней
Свое тепло и добрую надежду.

Они не могут отдохнуть ни дня,
Неся земле свою любовь живую,
И, снова низко голову склоня,
Я эти руки женские целую.

Перевод И. ОЗЕРОВОЙ.

Восьмого марта у колодца.

— Отдай кошке, я рыбу не люблю!

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

ИЗОЧАЙНВОРД «ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ»

Этот изочайнворд нарисовал художник В. Воеводин.

Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д.

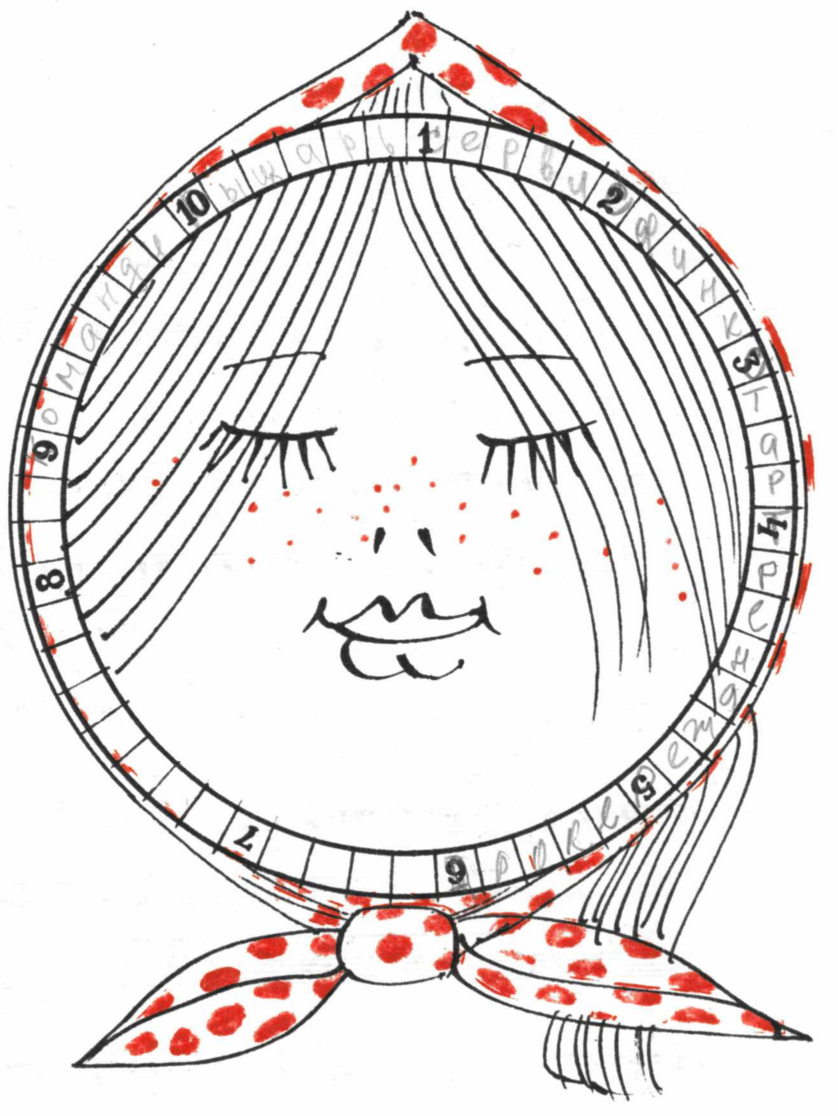
Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы на изочайнворд, будут опубликованы в журнале. Просьба ответы присылать на открытках.

Ответы на изочайнворд, напечатанный в № 1.

1. Елка. 2. Абордаж. 3. Жонглер. 4. Ретранслятор. 5. Репетиция. 6. Ямщик. 7. Конкурс. 8. Сумка. 9. Алиби. 10. Инструктаж.

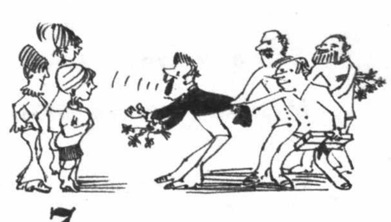
Первыми правильные ответы прислали:

семья Пшенко, В. И. Котиков, В. К. Алексеев и А. А. Анюхин, Ю. В. Нечаев, П. М. Куркин, М. В. Голощапов, Г. К. Энало, В. Г. Анциферов, Г. Ф. Дудник, В. Ф. Ермилов, Н. Самылов, В. Устинов, К. С. Королев, В. И. Литвиненко, В. И. Иванов, В. В. Середкин, Т. Толстюк, В. Ф. Давыдов, В. А. Шелуханов, Б. З. Дискинц, П. Г. Есаян, Т. И. Кравченко, В. Г. Мышева, Ячненков, Бондарев, Молчанов, Лебедев, Л. Г. Луценко, Н. И. Сандалова, О. Лебедева.

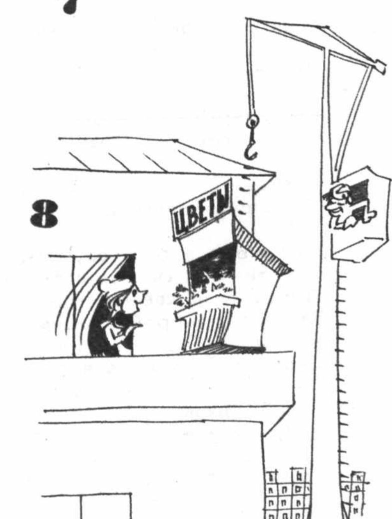
6

7

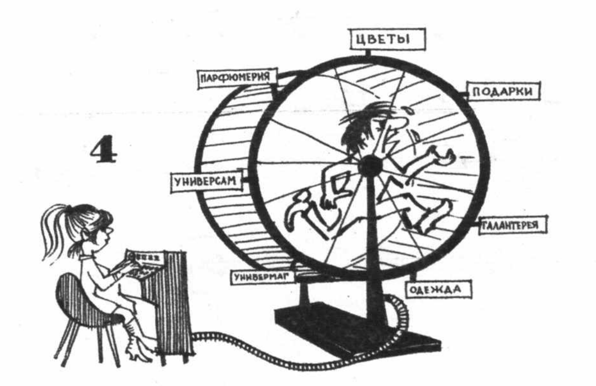
1

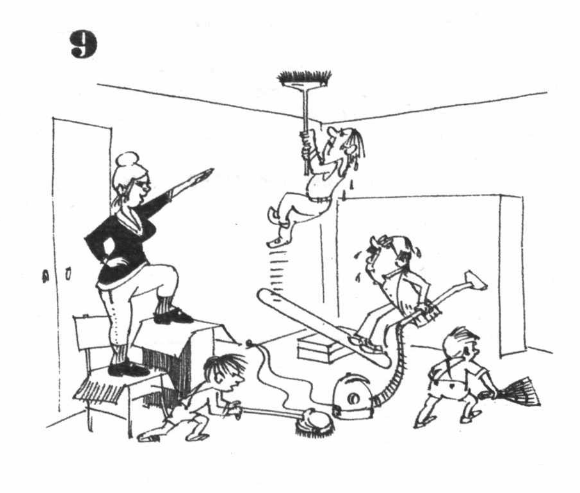
8

2

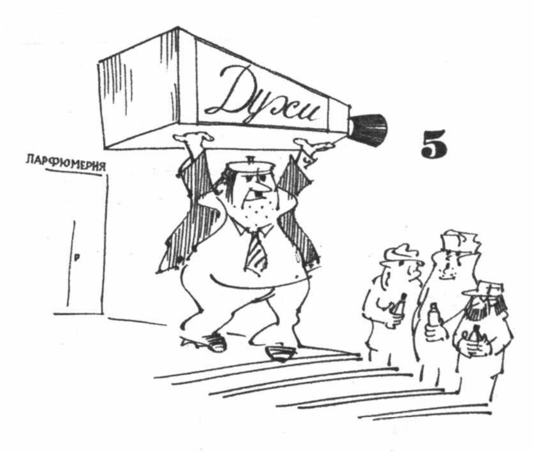
4

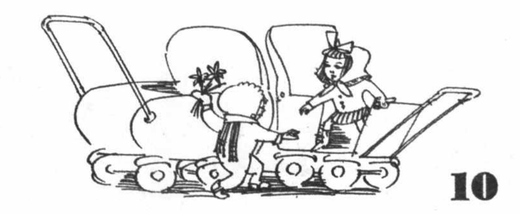
9

3

5

10

ДЫМ В ГЛАЗА

РЕПЛИКА ФЕЛЬЕТОНИСТА

В № 1 «Огонька» за этот год был напечатан фельетон «Пожар в бане». В нем шла речь о затянувшемся ремонте Центральных бань после пожара, случившегося полтора года назад. Указывалось и то, что с 1966 года строители никак не могут закончить реконструкцию бань.

После опубликования фельетона прошло два месяца. Что же изменилось с тех пор?

Бани как стояли полусгоревшими и полуразрушенными, так до сих пор и стоят. Разве что только желающие попариться томятся в длинных очередях, читают фельетон и выражают неудовольствие в адрес строителей, которые вот уже восьмой год зевают от скуки на всяких совещаниях вместо того, чтобы энергично взяться за ремонт бань.

Правда, нельзя сказать, что после напечатания фельетона ничего не изменилось. Дым все-таки пошел. Тот самый дым, который главные виновники пытаются пустить в глаза.

На выступление «Огонька» откликнулся заместитель начальника Управления бытового и коммунального обслуживания Мосгорисполкома товарищ Акатов.

Он пишет: «С 1966 года и по настоящее время Строительное управление № 148 треста «Мосстрой-24» Управления гражданского строительства Главмоспромстроя ведет реконструкцию второго корпуса Центральных бань. Подрядчик из года в год не выполняет план по объекту и переносит окончание работ».

М-да... Грустно, девицы, как сказал бы незабвенный Остап Бендер, очутись он в холодной бане.

Далее товарищ Акатов сообщает, что «исполком Моссовета решением № 35/3 от 14.IX.1973 года обратил внимание начальника Главмоспромстроя тов. Кочетова на неудовлетворительный ход реконструкции Центральных бань и обязал его закончить реконструкцию этих бань в 1973 году.

Однако строительная организация не выполнила решение исполкома Моссовета и не сдала объект в эксплуатацию».

Сейчас на дворе закончился второй месяц 1974 года. Ушел с поста директора бань В. Д. Мармышев. Он передал все дела новому директору, Василию Михайловичу Труженцеву. А вместе с ними и все муки.

Вот какую краткую справку дал нам Василий Михайлович: «Во втором корпусе работают... два сантехника (!). По высшему мужскому разряду (тому самому, который сгорел в июне 1972 года. — В. П.) никаких работ не ведется. Отделочники, говорят, придут в недалеком будущем для замены отлетевших плиток на стенах и полах».

Мы говорили и с главным ответчиком (он же генподрядчик — начальник СУ-148) товарищем Антоновым.

— Читали фельетон?
— Читал.
— А ответ?
— Пришлем как-нибудь.

Вот редакция «Огонька» и ждет его до сих пор.

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

●

ЕЩЕ РАЗ О НАПЕЧАТАННОМ

В статье «Нет повести печальнее на свете...» («Огонек» № 13 за 1973 г.) рассказывалось о грубости и незаконных действиях заместителя начальника главка «Укрглавлесбум» Ф. П. Лещенко, о его активном содействии бывшей жительнице гор. Тбилиси Джульетте Саркисовой, которая поступила на работу в главк, не имея киевской прописки и необходимого образования, и в обход очереди и закона получила квартиру в Киеве.

Эти и ряд других фактов, свидетельствующих о недостойном поведении Ф. П. Лещенко, при проверке подтвердились. Бюро Печерского райкома партии гор. Киева, обсудив выступление «Огонька», объявило Ф. П. Лещенко выговор. Об этом сообщалось в № 44 «Огонька».

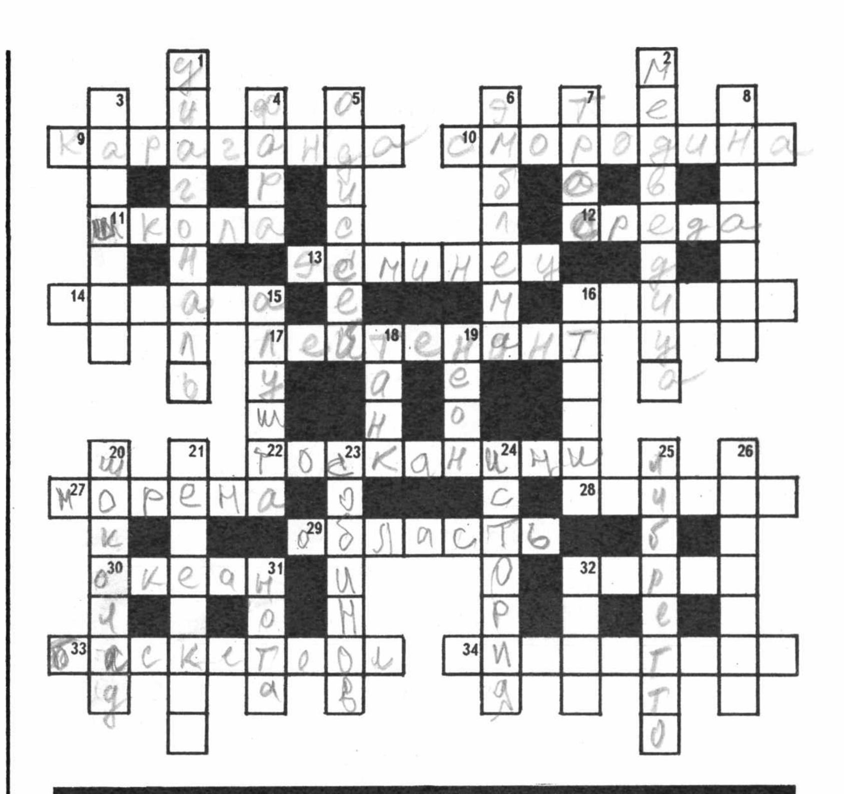
Но такое взыскание не возымело должного действия. Оставшись на прежнем месте работы, Ф. П. Лещенко стал чинить расправу за критику над теми, кто не хотел мириться с его неправильными действиями. Партийная комиссия Киевского горкома партии заново проверила все обстоятельства этого конфликта в «Укрглавлесбуме», и бюро горкома, рассмотрев персональное дело Ф. П. Лещенко, вынесло ему строгий выговор с предупреждением и занесением в учетную карточку. Приказом по Главснабу УССР Ф. П. Лещенко за недостойное поведение с работы уволен.

●

«ПОЧЕМУ?»

Под таким заголовком в «Огоньке» № 2 за 1974 год была опубликована статья собственного корреспондента журнала в Белорусской ССР А. Щербакова, в которой критиковалось положение дел на строительстве Мозырского нефтеперерабатывающего завода. Редакция получила письмо за подписью секретаря парткома стройтреста № 6 тов. Климова. «Партийный комитет треста № 6 «Мозырьнефтехимстрой», — говорится в нем, — сообщает, что статья тов. А. Щербакова «Почему?» обсуждена на заседании парткома.

Критика недостатков в организации производства, социалистического соревнования и культурно-бытового обслуживания признана правильной». Тов. Климов пишет, что в тресте разработаны и осуществляются мероприятия, цель которых — улучшить организацию труда, быт строителей, а также политико-воспитательную работу.

КРОССВОРД

По горизонтали: 9. Областной центр в Казахстане. 10. Ягода. 11. Повесть А. П. Гайдара. 12. День недели. 13. Военный корабль. 14. Штат в США. 16. Металл. 17. Офицерское звание. 22. Итальянский дирижер. 27. Гряда валунов, сдвигаемая с гор ледниками. 28. Многолетний режим погоды. 29. Административно-территориальная единица в СССР. 30. Водное пространство. 32. Горное животное. 33. Спортивная игра. 34. Ускоритель заряженных частиц.

По вертикали: 1. Отрезок прямой, соединяющий две несмежные вершины многоугольника. 2. Приток Волги. 3. Птица отряда куликов. 4. Автомобильный фонарь. 5. Герой древнегреческого эпоса. 6. Условное или символическое изображение. 7. Рыболовная снасть. 8. Звезда в созвездии Скорпиона. 15. Курорт в Крыму. 16. Пьеса М. Горького. 18. Боевая машина. 19. Химический элемент. 20. Кондитерское изделие. 21. Журнал, в котором сотрудничал В. Г. Белинский. 23. Русский певец. 24. Наука, изучающая развитие человеческого общества. 25. Текст к опере, оратории. 26. Сорт тыквы. 31. Музыкальный знак. 32. Река, впадающая в Кременчугское водохранилище.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали: 7. «Накануне». 8. Тепловоз. 9. Веранда. 10. Тубафон. 11. Рампа. 12. «Родина». 16. Паруса. 17. Пшеница. 21. Клеенка. 23. Фарада. 24. Нансен. 27. Тайга. 28. Кокарда. 29. Каталог. 30. Виктория. 31. Сложение.

По вертикали: 1. «Хамелеон». 2. Габардин. 3. Ангара. 4. Бештау. 5. «Богатыри». 6. Подольск. 13. Аптека. 14. Бешмет. 15. Хибины. 16. Павиан. 18. Плацкарта. 19. Бангладеш. 20. Карболит. 22. Петроний. 25. Штатив. 26. Вакула.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Махфират Хамракулова — молодая солистка Таджикского радио и телевидения (см. в номере «Счастье новой жизни»).

Фото Л. Шерстенникова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сцены из ревю «Песня для тебя» в Московском театре оперетты: «Песенка Швейка». Артист Е. Кациров.— Заслуженная артистка РСФСР К. Кузьмина в мюзикле «Хлестаков».— Сцена из мюзикла «Мистер Пиквик».— Сцена из «Жозефины».— Композиция-шутка по мотивам оперетты «Роз-Мари».

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 11/II — 1974 г. А 00524. Подписано к печ. 26/II — 1974 г. Формат 70×108[1]/8. Усл.-печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 303. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 1782.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Е. ИХТИАРОВА

Фото Е. УМНОВА.

«Тогда в Севилье». Ольга Гарфельд в роли Дон Жуана и Владислав Шубин — Командор.

«МОЕ ИМЯ — Д'АРТАНЬЯН!»

— Театр мимики и жеста... Тот, что для глухих! — такой вопрос мне приходилось не раз слышать от тех, кому я начинала рассказывать о своем недавнем посещении этого театра... Я хочу ответить всем сразу:

— Московский театр мимики и жеста — театр для всех! Театр, сумевший преодолеть известную ограниченность своей специфики, найти новые формы общения со зрительным залом, сделать свое искусство интересным для широкой аудитории.

Особая «театральность» этого коллектива определяется не только актерскими и режиссерскими находками, превосходной пластикой. Есть еще одно свойство, делающее его искусство живым и близким,— это чувство юмора. Именно юмор определяет настроение последней премьеры — «Подвески королевы» (вариант «Трех мушкетеров», созданный С. Бульбой и Л. Филатовым).

В одной из сцен пьесы главный герой восклицает: «Мое имя — Д'Артаньян! Если вы читали Дюма, то этим все сказано».

В этой шутливой фразе — заявка на импровизацию. Авторы инсценировки предлагают актерам предельно насыщенный интригой и при этом доступный для сценического воплощения веселый музыкальный спектакль.

Прекрасная музыка В. Соловьева-Седого не просто сопровождает действие, а является его активным компонентом, создавая для каждого героя свое особое настроение.

В спектакле много танцуют. И надо сказать, актеры успешно справляются с нелегкой для них задачей... Следя за мелодией лишь по взмахам дирижерской палочки, они двигаются по сцене чрезвычайно легко и пластично.

Герои на сцене поют по принципу действующих лиц и исполнителей телекабачка «13 стульев». Читая синхронно параллельный текст пьесы, дикторы отнюдь не являются техническими комментаторами, они тоже — и прежде всего — актеры, своеобразные партнеры исполнителей. С большим тактом и юмором они «подыгрывают» своим героям, особенно хороши актеры-дикторы Н. Власова и В. Салтыковский.

Основных же исполнителей, которые в большинстве своем являются выпускниками студии при театре, отличает, помимо профессионального уровня, огромный творческий энтузиазм, который придает спектаклю темперамент и приподнятость.

Необыкновенно эмоционален И. Лесников — Д'Артаньян. Но его герой

Главный режиссер театра Виктор Знамеровский на репетиции.

«Подвески королевы». Т. Ковальская в роли Королевы.

Сцена из «Прикованного Прометея».

Спектакль «Золушка». Г. Митрофанов — Шут.

не блестящий гасконец, шагнувший к нам с экрана известного французского фильма; он в чем-то сродни разудалым добрым молодцам, простоватым и сметливым. Можно спорить с подобной трактовкой, однако бесспорная заслуга И. Лесникова в том, что ему удалось создать свой, непохожий образ героя.

Нельзя не отметить и артиста Г. Митрофанова, который, сыграв в спектакле две второстепенные роли: капитана гвардейцев и хозяина постоялого двора,— нашел для каждой роли особые краски и пластику, ни разу не позволив себе повториться.

Довольно сложно говорить о режиссерской стороне постановки, потому что, как ни удивительно, степень удач постановщика равна степени его просчетов. Режиссеру Г. Якерсону, бесспорно, удались многие сцены, хотя, привлекая отдельными актерскими успехами, удачами некоторых сценических решений, спектакль еще не имеет вполне слаженного актерского ансамбля.

И дело здесь не только в просчетах режиссера: главный вопрос — это сложность положения всей жизни самого театра, существующего в значительной степени за счет творческого подъема и энтузиазма коллектива во главе с его художественным руководителем В. Знамеровским.

Театр, располагающий интересным актерским составом, немалыми творческими возможностями и огромной трудоспособностью людей, любящих свое дело, до сих пор не получает необходимой ему поддержки ни от ВТО, ни от Министерства культуры РСФСР.

Пока театр еще находится «на отшибе»... Я имею в виду не только территориальную отдаленность — метро «Первомайская». Он на отшибе театральной жизни. И хочется думать, что в будущем это будет такой театр, чьи художественные находки и просчеты, творческие удачи и трудности станут событиями всей многоликой театральной жизни столицы.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663